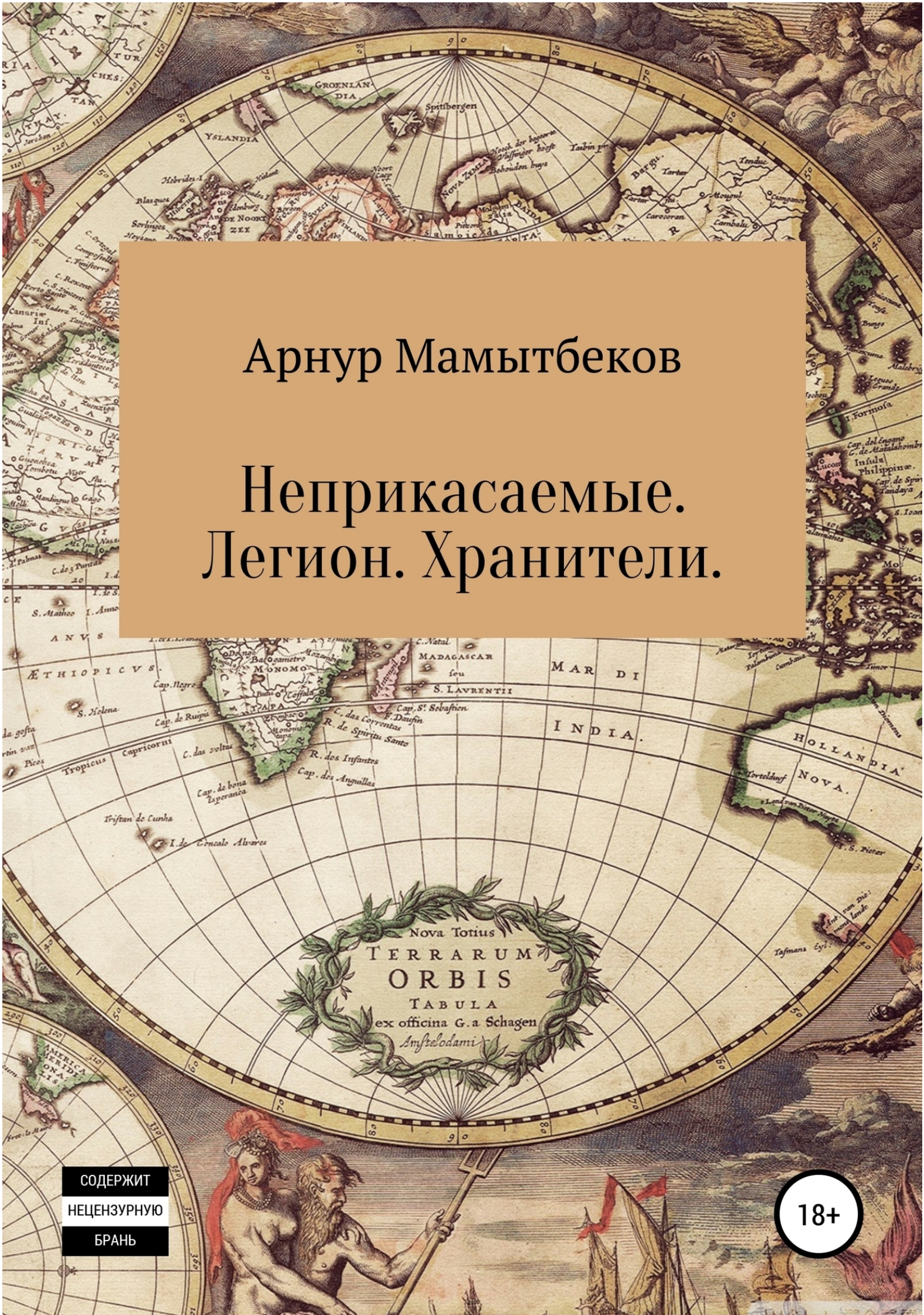

Арнур Мамытбеков

Неприкасаемые. Легион. Хранители.

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Арнур Мамытбеков

Неприкасаемые. Легион. Хранители

«Автор»

2017

Мамытбеков А. Б.

Неприкасаемые. Легион. Хранители / А. Б. Мамытбеков — «Автор», 2017

Семья неприкасаемых - вечные и очень сильные существа, пытаются ужиться с людьми и со своими собственными пороками и демонами. В центре повествования – брат и сестра неприкасаемые - воительница Ангелла и ее брат Асраил, кладоискатель и вечный мститель. Неприкасаемые веками существуют на Земле благодаря мастерам-алхимикам, своим хранителям, и помогают людям через свою частную армию – легион, который спасает заложников по всему миру и вырывает их из лап злодеев и маньяков. Но среди Неприкасаемых есть те, кто решает выйти за рамки легиона и учреждает свою собственную и очень кровавую миссию.Содержит нецензурную брань.

© Мамытбеков А. Б., 2017
© Автор, 2017

Пролог

Зейн, устремив свои карие глаза на монитор, кипел от возмущения, проверяя счета одной компании, которые были открыты в их банке и уже давно никем не пополнялись. Большой офис, который делили несколько сотрудников, и он в том числе, был ничем не примечателен, за исключением шикарного вида на город. Благо, что он находился на двенадцатом этаже, и весь Алматы был как на ладони. Зейн, высокий и широкоплечий молодой человек, уже встал со своего места, и стоял у окна, постукивая длинными пальцами по стеклу, и размышлял. Он не мог понять, для чего бухгалтер этой компании на днях пыталась получить еще один кредит у них в банке, не расплатившись с ранее взятыми займами. Она живо, но слегка путанно рассказывая ему о том, что им нужны были деньги для осуществления не то оперативной деятельности, не то для погашения ранее взятых кредитов. И тут такое рефинансирование – Зейн не верил своим глазам – на счета этой шарашкиной конторы, которые он отслеживал, кто-то перевел более полумиллиона долларов. Кто же им выдал такой кредит, с их-то сомнительной платежеспособностью и такой закредитованностью… И зачем им такая сумма? Он подошел к шкафу с большими и тяжелыми папками, и, беря их по очереди, начал искать информацию об учредителях этой компании. Он нашел нужный фолдер, и с удивлением обнаружил среди других персон некого Шамсутдинова А.Т.. Уж не тот ли этот Шамсутдинов – глава строительной компании, собравший деньги дольщиков, и исчезнувший в неизвестном направлении? И компании которого тоже обслуживались в их банке?

Зейн вернулся к окну, и вновь смотрел на свой родной город, словно советуясь с ним. Ему было уже двадцать пять лет, но он еще не переставал восхищаться этим местом, в то же время, он порой чувствовал себя здесь отрезанным от мира, словно горы, которые окружали Алматы, не пускали его туда, куда рвалась его душа, томящаяся здесь. Ему хотелось новизны и обновления. Настоящих событий, даже приключений, участвуя в которых, он бы чувствовал себя живым и нужным людям. Он мог бы быть тем, кто живет яркой, насыщенной жизнью, путешествует, общается с интересными людьми, а не сидит здесь, имитируя эту самую жизнь, и ощущая нарастающую тоску, а также отсутствие перспектив и динамики.

Он смотрел на город и пытался найти, как на карте, тот недостроенный дом, мифическую высотку, застывшую на уровне земли, которую разравняли и затем раскопали, собираясь начать работы по закладке фундамента. М-да, бедные люди, доверчивые и наивные, принесшие свои, скорее всего, последние деньги, соблазнившись рекламными обещаниями и речами ушлых менеджеров по продажам. Наивность и доверчивость, вот те качества, за которые карают так охотно в этой стране, как часто говорил он своим приятелям. Он думал о своем друге, Жардеме, который вложил все свои деньги, задаток в размере 30% от стоимости квартиры в этом самом доме, который еще и не начинали строить. И, теперь, под влиянием обстоятельств, пораженный такой несправедливостью, и будучи сильно впечатлительным и ранимым, даже запил с горя. Понимая, что денег своих он больше никогда не увидит. Он ему и поведал про этого Шамсутдинова, сидя на маленькой кухне квартиры своей матери, которая ходила черная от горя и укоризненно смотрела на него, Зейна, не понимая, как он, более рассудительный и опытный, как казалось ей, не смог отговорить ее сына от такого опрометчивого поступка. Потратить все их сбережения, да еще и взять кредит, а теперь с тоской смотреть в будущее, которое виделось таким мрачным и безденежным.

А ведь он пытался достучаться до Жардема, говоря, что это чистой воды афера, и что некоторые застройщики ведут себя как пираты, которых государство пока не научилось контролировать и вылавливать из их рядов самых очевидных мошенников, которые несли своим клиентам огромные риски. Ведь не было даже черных списков вот таких сомнительных предпринимателей и контор, которые вдруг, без всякой соответствующей истории и опыта, начинали заниматься строительством жилых объектов. Он покачал головой – он менеджер по

работе с корпоративными клиентами этого банка, по сути, мелкая сошка, только что обнаружил те самые украденные деньги, случайно копаясь в своем компьютере. Ведь Сандугаш, та самая бухгалтерша, могла перепутать счета и перевести деньги своего шефа, Шамсутдинова, на счет этого ресторана, с которым она так носилась. И ведь там деньги его друга, который, с его-то слабым здоровьем, просто катился в пропасть долгов и этилового безумия, махнув рукой и распрощавшись с надеждами на собственную квартиру. Еще бы его не погнали с работы, ведь он пьет, не просыхая уже почти неделю…

Зейн почему-то вспомнил своего деда, своего ату, который воспитывал его. Ему было тогда лет шесть и это было еще в конце семидесятых. Атабек, все еще очень крепкий в свои шестьдесят восемь лет, высокий и даже статный, широкоплечий, гроза всех немногочисленных хулиганов и выпивох, гонял по улице, сидя на своей лошади, и бил по спине камчой их агронома. Который украл в их колхозе, кажется, машину зерна, и даже пытался свалить вину на шофера, честного и открытого, невысокого и щуплого парня, который иногда катал пацанов на своем Зиле по всему селу. Дед видел хорошее отношение Алмаза, водителя к детям и ценил это, сам, будучи таким же – щедрым и добрым. Как и честным до щепетильности. Он приглашал этого парня в их дом, просто попить чай и пообщаться. И они подолгу сидели, за небольшим круглым столом, устроившись прямо на полу и пили горячий чай с молоком, из красивых пиалушек. Макая разломанную, свежую и ароматную лепешку в домашнюю сметану – каймак. Вели долгие, часто неторопливые, а иногда и очень эмоциональные беседы, делясь новостями и громко обсуждая поведение тех или иных общих знакомых и многочисленных родственников. Правда, не общих. Зейн в это время сидел в кабине грузовика, оставленного Алмазом в тени дерева у их дома, представляя, что он ведет эту громадину по их аулу, держа в своих маленьких руках огромную баранку. Он с тихим восторгом смотрел на овальные картинки каких-то красивых девушек, которые Алмаз расклеил по всему салону и затем, приходила его апа и звала его пить чай. Он упрямился, но когда она говорила, что позовет деда, он живо вылезал из машины, и под завистливые взгляды своих друзей, соседских пацанов, которые тоже мечтали посидеть внутри, бежал в дом. Ата сразу устраивал его рядом с собой и, намазав сметаной небольшой кусок лепешки, передавал ему внуку, внимательно наблюдая за тем, чтобы он доел ее, а не спрятал под стол. При этом он не выпадал из беседы, и живо реагировал на очередные откровения Алмаза о новых проделках Сеита, их агронома. Дед хмурился и говорил негромко – Ит баласы… Уры. А Алмаз добавлял печально, что у Сеита полно родственников, которые отмажут его и ему вновь все сойдет с рук. Атабек же погружался в себя, думая о том, что одним выражением сочувствия этому славному парню, который только недавно переехал в их аул, не поможешь.

Потом, пару дней спустя, Зейн, стоя босыми ногами в небольшой речке, с прозрачной и ледяной водой, который они с друзьями превратили в небольшое озеро, соорудив из камней подобие плотины, и увидел эту сцену – Атабек гонит перед собой Сеита, не давая ему свернуть в сторону. И уже собрав большую толпу невольных свидетелей, взрослых, которые хмуро смотрели на агронома, несколько раз прошелся по его спине своей камчой и велел признаться во всех своих грешках, и не сваливать свою вину на других. Сеит плакал от стыда и унижения, и, конечно, от боли, но даже и не думал сопротивляться, признавая за грозным аксакалом право, вершить собственное правосудие. Он громко клялся и кричал, что он все сделает, что он все понял и осознал, а Атабек круто развернув свою лошадь, уже направлялся домой. Найдя взглядом Зейна, и недовольно качая головой – внук опять залез в холодную воду, а потом будет шмыгать носом. И люди расходились, обсуждая увиденное, говоря, что Атабек в их селе и судья, и участковый, и прокурор, а агроном всегда был и останется вором, и что только могила его исправит. А Зейн, уже стоял на земле, и ловил на себе восторженные взгляды своих друзей, которые восхищались суровым нравом и удалью его деда. Еще не понимая, что с его стороны,

это был жест почти отчаяния, последняя попытка навести порядок и добиться справедливости, которая в его возрасте казалась уже почти выдуманным понятием.

А вечером Атабек, сидя за столом, каким-то отстранённым голосом рассказывал, что для воров в аду ставят специальный, очень большой котел, под который подкладывают лучшие дрова, и постоянно подливают масло, что помимо огня снизу, делало эту пытку такой мучительной и невыносимой для грешника. А Зейн, широко раскрыв свои глаза, слушал деда с открытым ртом. И тогда входила апа, и, всплеснув руками, ругала старого, который пугает ребенка на ночь всякими продуктами своего нездорового, старческого воображения. Она поднимала внука и вела Зейна в его комнату, и укладывала спать, а он все думал, засыпая, почему именно воров наказывают таким страшным способом.

И вот теперь, как ему казалось, он понимал, почему воры заслуживают такого немилосердного наказания. Он вспоминал своего сурового, красивого деда, в котором угадывалась и порода, и настоящий мужской нрав, как и его чувство справедливости и сравнивал их с теми вороватыми плебеями, как этот Шамсутдинов и жалел, что времена доблести и справедливости остались в далеком прошлом. И что еще больше расстраивало его – он не знал, как помочь своему другу. Во время обеденного перерыва, он поделился этой новостью со своим хорошим знакомым, Алтаем, специалистом из IT отдела их банка, который странно на него посмотрел, и с восхищением, как показалось Зейну, присвистнул. “Я бы этого Ш., этого ворюгу и липового застройщика просто пристрелил”, – обронил он во время беседы, все-таки стараясь не упоминать полной фамилии этого вора и прохвоста, по чьей вине, как он узнал чуть ранее, мать Жардема перенесла инфаркт. Уже позже, вечером, Зейн хмуро сидел за своим столом, собираясь идти домой, после выволочки, которая ему устроила его начальница. “У тебя что, постоянный ПМС?”, – думал с тоской Зейн, слушая ее визгливый голос, которым она громко комментировала его слабые показатели. По ее, конечно, мнению, слабые. Он кивал головой и думал о том, как она осточертела ему – ее вечные придирки погружали его в постоянную хандру. Он с таким трудом, сам, без всякой помощи устроился на эту работу, как и ранее, самостоятельно поступил в университет и окончил его с отличием, и теперь с горечью понимал, что тут образовался своего рода клан, в который его начальница пыталась протащить свою очередную родственницу. Пытаясь украсть у него его собственное место и перспективы. Он не мог заставить себя даже улыбнуться ей, считая это проявлением слабости, а она, видя его независимый нрав, всячески донимала его. Мечтая о том, чтобы и на рабочем месте ее ублажали невинной лестью и признанием ее многочисленных талантов и заслуг. “Идиотка, не дождешься, не буду я входить на цыпочках в твой кабинет и покупать тебе коробку конфет по каждому удобному случаю. Я работаю не на тебя, а на эту организацию!”, – думал Зейн, глядя в ее чересчур сильно подведенные глаза, и понимая, что сам приближает свое увольнение. Своей честной и качественной работой, которая, казалось, никому и не была нужна.

И вот на выходе из банка, когда на город опустился темный и холодный осенний вечер, его ждал Мерседес, легендарный Кабан, с очень широким парнем у водительской дверцы, который догнал его и веско пригласил внутрь, по причине того, что с ним хотят поговорить. Зейн пожал плечами, и, надеясь, что это кто-то из многочисленных родственников Зарипы, его начальницы, собирается выяснить с ним отношением. Сумев как-то прочитать его мысли. Надеясь, что по крайней мере, он сможет засадить по толстой и наглой роже какого-нибудь братца своей истеричной начальницы, Зейн смело сел в салон автомобиля. И, действительно, в роскошном салоне его ждал человек с довольно упитанным и откровенно наглым лицом. Но это был не родственник Зарипы, а некий Бекеш, почти лысый и очень авторитетный мужчина лет сорока, в дорогом костюме, который вкрадчиво, смотря на него своими кошачьими глазами, предложил работать на себя, и за очень хорошее вознаграждение. Суть предложения заключался в том, что Бекешу нужна была информация по счетам и компаниям того самого Ш., в виду того, что Бекеш хотел вернуть украденные деньги обманутым дольщикам и уже сам достроить этот

многострадальный объект. Осознавая, откуда дует этот опасный ветер, Зейн попросил время на размышление, и Бекеш, с пониманием покивав головой, и смотря своими прищуренными глазами, выделил своему потенциальному сотруднику целый день. Чтобы определиться, на чьей Зейн стороне, и хочет ли он получить такого могущественного и безжалостного врага, которым Бекеш может стать, если не получит желаемого. И уверенно протянул Зейну свою визитку на щедро украшенной золотом плотной бумаге.

На следующий день, взвесив все за и против, вернее, почти не найдя ни одного аргумента против, приняв во внимание откровенно слабые перспективы сохранить эту работу, он нашел Алтая и, улыбаясь, попросил его передать Бекешу, что он согласен. Тот, делая вид, что ничего не понимает, ушел в свой кабинет, а вечером того же дня его встретил тот же Мерседес, в котором и состоялся этот обмен – документы и информация на деньги и хитрую улыбку. Бекеш щедро заплатил своему новому информатору, и в тот же день Зейн, отложив 25 000 USD – половину своего первого криминального гонорара, отвез их Жардему. Ни на минуту, не поверив в сказку Бекеша о том, что он собирается вернуть деньги людям. Мама его друга заплакала, а Зейн рассказал убедительную историю о том, что их банк находит жертв этого мошенничества и, изъяв деньги у афериста, который хранил их на счете в их же банке, возвращает пострадавшим. Тут было на несколько тысяч больше, и Зейн слегка замявшись под внимательным взглядом уже трезвого Жардема пояснил, что это компенсация за неудобства.

После этого случилось давно ожидаемое – Зейн был уволен из банка и долгое время, не мог найти новую работу. Он смотрел по сторонам, на схожее положение своих знакомых, и находил все больше подтверждений тому, что ему надо уезжать, благо оставлять тут было некого. Жены у него не было, а родители жили сами по себе, со своей ненаглядной дочкой и младшим сыном. И тогда он начал процесс иммиграции в Канаду, благо английским он владел почти в совершенстве, и был молод. Вложив почти все свои деньги, и заработанные, и полученные отБекеша, в оплату труда юристов, которые помогали ему в этом переезде. И вот когда он уже был близок к великому исходу, в его квартире появился Бекеш со своими людьми. И убедительно попросил, вернее, приказал ему убрать того самого Ш., сопровождая свое обращение убедительным аргументом – один из его охранников, дюжий верзила, приставил к виску Зейна свой большой пистолет. Даже без глушителя, словно ничего их не могло напугать – ни шум от выстрела, ни действия соседей, которые могли вызвать полицию.

И он согласился, потому что другого выхода не было. Да и он сам однажды сказал Алтаю, что хотел бы пристрелить этого вора, чтобы предотвратить его новые аферы, в которые он обязательно пустится, как только уляжется шум вокруг его проекта с высоткой. Зейн, снабженный полной информацией отБекеша, и сопровождаемый его людьми почти до самой точки назначения, нашел Ш. в одном из офисов ничем не примечательного алматинского бизнес центра, где тот спокойно связывался по интернету со своим банком, который находился где-то на Кипре. На счета которого он планировал перевести остаток денег от своих авантюр, которые еще не перехватил заказчик Зейна. И он, постучавшись в дверь условным стуком, раскрытым ему всезнающим Бекешем, всадил в пухлую и какую-то раздутую грудь Ш. две пули, почти без эмоций и сожаления, ускоряя его встречу с тем котлом, про который ему рассказывал его суровый, но справедливый ата. И стараясь не думать про котел для убийц, он, с помощью своего друга Жардема, который почуял, что Зейн в беде, ускользнул каким-то чудом от громил своего нанимателя. Жардем надел его куртку и шапку, и выпив пару бутылок пива, первым вышел из здания, куда он попал по следам Зейна и его преследователей, и слегка поводив их по городу, явил свою реальную личность, играя очень убедительно роль алкоголика, который украл чью-то куртку. А позже, выждав какое-то время, Зейн выехал из города на попутках, купив билеты на самолет, который вылетал из Бишкека в Европу, а там уже затерялся в немецких и голландских аэропортах, вылетев, в конечном итоге, в Канаду.

Уже там, он поменял свою фамилию и имя, и стал Закарией Асфандияром, человеком, который пытается найти в своей душе слабые признаки чего-то светлого, и постоянно оглядываясь на свою родину, которую он потерял, как и часть своей души.

Глава 1.

Схватка с богомолом.

Будь благословенна, Прага, прекрасный и старинный город, где каждое здание напоминает экспонат исторического музея, тщательно оберегаемый от чумы современности – унитарной однотипности, безликости, серости, повышенной функциональности и загрязненности. Спасибо вам пражцы, за каждую сохраненную и такую яркую деталь, и лот этой уникальной коллекции. Спасибо, что гордитесь своими предками и предшественниками, их трудом, талантами и вдохновением, относясь к ним так трепетно. Понимая, что каждый сохраненный дворец, ратуша или обычный дом XVIII века, которые кажутся теперь такими игрушечными и хрупкими, это лишняя крона в ваших кошельках и бюджете вашего города.

Так примерно размышлял Закария Асфандияр, обнаруживая с удивлением в своих мыслях некоторые признаки умиления и пафоса. Прошло уже не меньше десяти лет, как он покинул Алматы, и вот сейчас, он бродил по Праге, по ее старому городу. Он отдал свой долг гостя города, и выполнил с явным удовольствием обязательную программу каждого посетителя этой уникальной ярмарки средневекового тщеславия. В каждом приличном городе, думал он, должна быть такая заповедная, охраняемая зона, показывающая, что город, в котором вы живете, не возник из ниоткуда и сразу, а прошел долгий путь. Сохранив свои артефакты и фрагменты первоначального облика, эволюционировав гармонично до статуса и облика современного мегаполиса.

Да, Староместкая площадь была на своем привычном месте, как и другие объекты, строго рекомендуемые для посещения каждому уважающему себя туристу. Правда, он был не в лучшей форме, но это почти не отвлекало его от созерцания и размышлений. И теперь он неторопливо шагал по площади, поглядывая на многочисленных гостей города, которые, как и он, после долгой прогулки мечтали об одном – выпить пива или ледяной воды на летней террасе какого-нибудь уютного кафе. И приземлив свое усталое и полное впечатлений тело на удобную поверхность, запить свои ощущения чем-нибудь вкусным и освежающим. Чтобы испытать не менее приятное, хмельное пражское послевкусие.

Кто только не ступал по твоей булыжной мостовой, старинная пражская площадь, помимо самих горожан – и обычные туристы, и политики, и преступники, и звезды разной степени известности и влияния. Отметились тут и всякие богачи, толстосумы и воры, как легализовавшие свое состояние, и теперь цитируемые Форбсом, так и подпольные, настоящие властители, дергающие за нитки глобальную финансовую систему и все эту мифическую мировую закулису.

Но впервые по этой площади ступал один из самых грозных бойцов Легиона, мститель Зак, как его называли в очень узких кругах, человек Асраила, этого то ли демона, то ли ангела мщения, который выбрал своей миссией карать тех, про кого забыл суд земной и небесный. И он, Закария, был самым ловким, грозным и неумолимым из числа его немногочисленных солдат. Даже вернее, единственным, кто работал на него сейчас и вполне устраивал своего таинственного нанимателя. Да, Легион отверг и выгнал его из своих рядов, сочтя его слишком вспыльчивым и жестоким, а работать на кого-то другого он уже не хотел и не мог. И он, Закария был той душой, страдающей и тоскующей, иммигрантом и странником, человеком без планов и будущего, которого Асраил нашел несколько лет тому назад в канадской глуши, и вытащил его оттуда на арену своих страстей и дерзких планов, сделав своим протеже и фаворитом. Словно угадав его тоску и мысли о том конце, который он готовил для себя, под воздействием печальных обстоятельств и своего нежелания простить себя.

Закария, ощущая легкую слабость, заказал себя воды с кофе, и думал о том, как бы он обозначил свою нынешнюю работу в своем резюме – охотник, киллер или ассасин. Который вместе со своим загадочным шефом устраивает в разных точках земного шара охоту на всевозможных подонков и убийц. Выслеживая и карая их, вынося им смертный приговор, который они заслужили, оставив на своем земном пути кровавый, несмываемый след. Погрузив невинных жертв в хаос и омут своих пороков и страстей. Они с Асраилом заступались за всех невинно убиенных, вынося вердикт от лица всех погибших, а также по просьбам их неутешных родных и близких. Словно получив от них эту доверенность – которая не была бы подтверждена ни одним юристом на земле, ни одним из отделов небесной канцелярии. Но подписанную кровью жертв и орошенную слезами их отцов, матерей, мужей или жен, братьев и сестер.

Отчаяние и ужас, кричащее от боли одиночество и тоска, осознание того, что весь мир – это просто декорация, которую установил и поджидал тебя в ней кто-то очень нездоровый и беспричинно жестокий. И эти предсмертные ощущения, которую испытывали жертвы таких подонков, в свои последние мгновения на этой земле, питали его ненависть к ним, и подталкивали к простому решению – осуществить возмездие. По простому принципу – око за око. Твою никчемную жизнь за жизнь тех, чей полет ты остановил так внезапно и подло. Того, кто любил и был любим, того, у кого были надежды и мечты, доброта и радушие, таланты и способности, все то, чего лишен ты, убийца, маскирующийся под обычного человека. Хотя, он поправил себя – талантами некоторые маньяки обделены не были, как и способностями, иначе как бы они так долго могли мимикрировать, маскироваться под добропорядочных граждан. Как и изощренностью ума, с помощью которого они придумывали такие ужасные методы пыток. Да и их любили, те, от кого они так тщательно скрывали свою настоящую сущность. Ведь не все серийные убийцы являются социопатами и одиночками, часто они состоят в долгом, и даже показательно счастливом браке. “Двойная жизнь, почти как у меня самого”, – подумал Закария.

Он любил людей и всегда был готов прийти на помощь, но вот существование таких маниакальных личностей, лишенных сострадания, которые ценили несколько секунд своего удовольствия больше, чем вся человеческая жизнь, заставляли его задуматься о человеческой природе. Он понимал, что в каждом человеке есть и хорошее, светлое, и что-то дьявольское, что в один момент превращает его в зверя, который не живет, а выслеживает ничего не подозревающих людей. И эти размышления подталкивали его к попытке понять свою собственную роль в устройстве этого мира. Он и сам становился изгоем, нарушителем всех заповедей и законов, наподобие тех, за кем он охотился, потому что он брал на себя роль, которая уже прокляла его душу. Низвела ее до статуса такого же грешника, как и те, кого он так старательно уничтожал. Но, как говорил Асраил, пока ты жив, ты больше думаешь о том, что ты будешь есть завтра, а не о том, что убивает твою душу и заставляет твою совесть кричать во весь голос. И он гасил свои сомнения и страхи, убеждая себя в том, что он играет роль чистильщика, который, уже получив смертельную дозу радиации и токсинов от своей вредной работы, все-таки упрямо надевает свою форму. И берет в руки свои рабочие инструменты, делая этот мир хоть чуточку лучше и чище.

Да, их новая охота начнется уже совсем скоро и Закария, прибыв в город вчера вечером, уже морально, если не физически, был готов к ней. Его водитель, Франтишек, серьезный и ответственный парень, как ему показалось, встретил его в аэропорту и отвез в центр города, в один из отелей, который располагался в старинном здании. Конечно, там, в центре было светло, красиво и безопасно, но чтобы узнать город, его реальную, тщательно скрываемую от туристов сторону, он, заселившись в свой номер, решил узнать Прагу поближе. Закария, вооружившись простым кнопочным телефоном и парой сотен крон в кошельке, попросил Франтишека отвезти его в какой-нибудь отдаленный от центра район, где он мог бы немного настроиться и подготовиться к предстоящей работе. Он посоветовал водителю покататься по ночным улицам, или

посидеть где-нибудь за кружкой чая, а сам начал свой вояж, внимательно поглядывая на всех, кто встречался ему на пути.

Было уже около полуночи, когда он дошел до кафе на углу, и решил зайти, чтобы выпить чего-нибудь горячего – на улице было зябко. Он почти сел за один из столиков, которые стояли снаружи – там обитал в унылом одиночестве мужчина средних лет, сканируя местность вокруг себя тяжелым взглядом, и с каждой минутой ненавидел этот мир все больше и больше. Особенно его, Закарию, который оторвал его от каких-то важных мыслей своим появлением. Бывший легионер уже хотел сесть где-нибудь возле него, уж что-то очень тревожное и мрачное было в взгляде этого человека, но его привлек шум внутри, который, казалось, предвещал еще более опасные и интересные события. Он решил зайти внутрь, сделав свой выбор, о котором на следующее утро будет откровенно жалеть.

В большой стеклянной двери, он увидел свое отражение – высокий азиат, удлиненное лицо, спортивное телосложение, не броская и не запоминающаяся одежда – толстовка с капюшоном и джинсы, на ногах легкие кроссовки. Взгляд карих глаз внимателен и сосредоточен, казалось больше на внутренних мыслях и ощущениях, но он привычно и внимательно изучал обстановку вокруг себя. Зайдя в кафе, он увидел обычную картину – пара спокойных клиентов – мужчин с хорошо развитыми животами у стойки и бурление масс в самом зале. Несколько посетителей, молодые и шумные парни, явно не местные, речь то ли голландская, то ли немецкая, а может, и та и та, из-за первобытного ора, который они извлекали из себя, сложно было разобрать их происхождение, уже нагрузились изрядным количеством алкоголя и вели себя вызывающе. И это слабо сказано. Они словно репетировали захват города, или, по крайней мере, ближайшего склада с пивными бочками, постоянно подбадривая себя визгливыми криками.

Их компания, как минимум из семи человек, будто устав от собственной непроходимой тупости – все шутки они уже рассказали друг другу по многу раз, бурно реагируя на самые жестокие, почти выдохлись и решили как-то разнообразить программу вечера. Напрягая свои мозги, они сгенерировали единственную мысль за вечер – поглумиться над двумя отдельно сидящими парнями за соседним столиком, которые смотрели на них откровенно испуганно. В облике этих двух парней виделось что-то хрупкое, даже женственное, и это явно провоцировало более брутальных юнцов, накаченных как тестостероном, так и пивом, на громкую и язвительную критику их облика. “Похожи на оголтелых фанатов какой-то футбольной команды”, подумал Закария и сел у барной стойки, улыбнувшись девушке бармену, красивой чешке со светлыми волосами, которая после его просьбы, сразу поставила перед ним большую кружку кипятка и опустила в него пакетик с чаем.

– Пять крон, – сказала она по-чешски и улыбнулась ему, переведя взгляд своих зеленых глаз на то, что происходило за спиной Закарии, и уже с тревогой поглядывая на фанатов, трое из которых уже покинули свой столик и подошли к соседнему. Закария положил на стол двадцать крон и, отказавшись от сдачи, не поворачиваясь к залу, следил за происходящим в отражении экрана выключенного телевизора с большой диагональю, попивая свой чай. Его соседи по стойке улыбнулись ему и продолжили свою беседу.

– Почему эти два парня не уходят отсюда, – говорил он себе, чувствуя, как уровень тревоги и опасности в воздухе повышается с каждой минутой. По канонам виктимологии, эта парочка была классической жертвой, объектом неминуемого хулиганского нападения или ограбления – такими вызывающе субтильными и не готовыми дать отпор выглядели они. “К тому же, они зря разложили вокруг себя на столе свои гаджеты – пару смартфонов, ультрабук и планшет”, – подумал Закария. Он повернулся к ним лицом, услышав чей-то громкий крик и звук удара – один изальфа парней ударил по лицу одному из сидящих за столиком и схватил его телефон, что-то громко крича своим приятелям и пытаясь найти в нем какие-то фотографии. Кто-то закричал на французском, и Закария понял, что нападающий хочет найти свадебную

фотографию этих парней. Он краем глаза уловил движение одного из своих соседей, который казалось, тянулся к пачке салфеток, которые стояли возле его чашки с чаем.

Закария покачав головой, развернулся к девушке, которая уже отошла от него и теперь стояла в дальнем углу, протирая бутылку, похожую на Бехеровку. Он посмотрел на нее выразительным взглядом. Она, правильно поняв его призыв, крикнула парням, что вызывает полицию, и, поставив бутылку на стойку, быстро достала свой телефон, набирая на нем соответствующий номер. Один из парней кинулся к стойке, желая ей помешать, но Закария угадав его маневр, быстро развернулся и, не вставая, встретил его ударом локтя, который пришелся парню куда-то под подбородок. Он эффектно завалился вниз, а мужчины, сидящие возле него, словно вспомнили о наличии в их организме крепко поджатых на время тестикул, и встали со своих стульев, начав кричать в сторону хулиганов и показывая им крепко сжатые кулаки. Закария пожал плечами и отпил еще немного чая, который казалось, настоявшись, прибрел необычайно сильный вкус и отдавал теперь чем-то острым.

Но тут произошло непредвиденное – один из субтильных парней, умудрился оттолкнуть своего обидчика, и выхватил свой телефон из его рук, украсив его лицо быстрым плевком. Затем он, как и его спутник, со скоростью самых преданных покупателей новой версии Айфона, стремглав выбежали из кафе, умудрившись не оставить ни один из своих гаджетов на столе. Собрав их с какой-то нечеловеческой скоростью. Фанаты дружно бросились за ними, забыв про своего друга, видно посчитав его конец вполне закономерным, или не желая связываться с Закарией и парой животов возле него. Громко завопив, они устремились в погоню за парочкой, выбрав более слабых и обеспеченных жертв.

– Видишь хищника, не беги, – озвучил Закария банальную мудрость и последовал за всем цирком наружу, надеясь, что все обойдется банальным мордобоем. Ему показалось, что он как-то слишком быстро двигается – он ощутил небывалый подъем сил, но он не придал этому особого значения, открывая в себе все новые ресурсы для спасения невинных.

Снаружи, у кафе было уже безлюдно, и, покрыв значительное расстояние за пару секунд, как ему показалось, он достиг соседней, какой-то уж совсем одинокой и гадкой улочки. Там он догнал ночную процессию и видел, как парни, окружив парочку по их по слабому периметру, со знанием дела, награждали их ударами рук и ног. Их жертвы продолжали упорно двигаться вперед, словно вырываясь из долгого и голодного окружения, к своей первой и обильной трапезе, и громко реагировали на самые болезненные удары. Один из них упал и Закария прибавил шагу, когда ему, как молодой звезде артхауса, переметнувшейся в фильмы по мотивам комиксов, кто-то подставил подножку, и он свалился на асфальт, успев в падении выставить вперед свои ладони. А уже о том, чтобы сгруппироваться перед контактом с жесткой поверхностью, и говорить не приходилось. Он больно приземлился и в тот же момент, его ударили чем-то по голове, и он мгновенно потерял способность двигаться. Но, его сознание, к счастью, не отключилось, и он наблюдал за развитием всей сцены будто в перевернутом набок экране. Закария, чувствуя, что голова покрывается чем-то теплым и липким, видел, как его обидчик, в котором он как-то лениво опознал мужика, сидевшего возле кафе, догнал парней и, пряча свою короткую дубинку за спиной, закричал им что-то про полицию, которая, по его словам, уже была неподалеку. Парни напоследок ритуально попинали своих жертв, и, подняв их девайсы, тронулись с места, пробежав мимо Закарии, злорадно отметив его беззащитную и унизительную позу.

А Закария все смотрел на того мужчину, который дождался, пока молодчики скрылись за углом и присев возле парней, о чем-то то их спрашивал. Видимо те уже начали приходить в себя и теперь озирались беспомощно по сторонам, приподнявшись слегка от земли и опираясь на локти. Очевидно, один из их ответов его не очень устроил, потому что он не торопясь достал свою дубинку из-за спины и начал наносить удары по головам парней – страшные и сильные. Те, покричав разок, смолкли, а Закария уже смог перевернуться на живот, понимая, что, если он не

соберется с силами и не вернет контроль над своим телом, то будет следующей мишенью этого ночного хищника. Он со стоном приподнялся, словно отжавшись от земли в миллионный раз за один очень длинный подход, и принял вертикальное положение, чувствуя дикую слабость и головокружение.

Мужчина заметил его манипуляции со своим телом и с угрюмым удивлением уставился на него, перестав копаться в карманах своих жертв. Явно не ожидая от него такой прыти. Закария, пошатнувшись, смог даже осмотреться, и увидел, что вдоль улицы шли однотипные и казенные на вид здания, похожие на заброшенные. Единственный фонарь, правда, очень яркий, светил именно возле парней и их палача, внося в цветовую гамму сцены очень много желтого спектра. Он мысленно представил себя снова в Легионе, в одном из его тренировочных лагерей, где ему доставалось если не сильнее, то почти так же. Он внушал себе мысль, что он отстоял пару раундов против Толстого Джона, пропустив один из его убийственных крюков левой. Но уже находил в себе силы восстать, вернее, подняться, чтобы, по крайней мере, встретить финальный гонг на ногах, а не на настиле ринга. Мужик встал и двинулся ему навстречу и Закария впервые увидел его улыбку – она производила такое тоскливое и жалкое впечатление, делая его похожим на мерзкого богомола, что ему не захотелось умирать от руки этого насекомого.

– Хорошо, что ты попался мне сегодня, – выдохнул, а вернее вытолкнул из себя незамысловатую фразу Закария, которую его мозг, словно приходя в себя, решил озвучить в тестовом режиме и теперь набирал обороты, подключая на ходу двигательный и боевой аппарат. Мужик упорно молчал и двигал ему навстречу, смотря на слабо вышагивающего Закарию взглядом опытного мясника, которому привели на убой плохо ориентирующегося в пространстве телка. Будто подтверждая эту мысль, он вытащил из-за пояса небольшой нож. “Серьезно, ты мать твою, серьезно? Тебе что, мало твоей дурацкой дубинки?”, – думал с возмущением Закария, смотря на сокращающееся между ними расстояние. “Запасливый сукин сын, запасливый”, – подумал он и увидел замах ножа. К своей тихой радости, он среагировал на это движение, сумев уйти вправо, и поймал руку хищника, вернее, перехватив ее, заведя назад и ударив по кисти. Он выбил нож из его руки, но пропустив движение другой руки нападающего, получил удар дубинкой с разворота, который пришелся ему в правое плечо.

– Мать твою!!! – закричал Закария с раздражением и яростью, понимая, что он начинает повторяться в выражениях. Он представил своим противником Толстого Джона, которого он уже смачно добивает, и сумел рывком приблизиться к мужику и схватить его левой рукой. Закария отклонил свою голову, и ударил своего оппонента лбом в лицо, превратившись в молоток, который забил самый важный гвоздь в своей жизни. Его соперник сразу обмяк, и он, удерживая его все той же, левой рукой – правая была временно недоступна, и, прижимая к себе, опять ударил его лбом, а затем, слегка отпрянув, провел мощный удар коленом ему в пах и куда-то в живот. Мужик повалился вниз и разлегся перед Закарией, который высмотрев его голову, рухнул всем весом на нее, выставив левый локоть. Приземлив его с самым приятным хрустом в своей жизни в область виска своему сопернику. Он напомнил себе одного из борцов рестлинга, который эффектно закончил слегка надоевшее зрителям плохо поставленное шоу.

– Бинго, гад ты такой,– выдохнул он и, встав на колени, протянул левую руку к шейной артерии этого подонка. Не найдя пальцами никаких доказательств кровотока от сердца к голове, он поднялся с третьей попытки на ноги и прошел, качаясь мимо парней, которые были так очевидно и трагично мертвы, напоминая пару манекенов, которых хозяин магазина выбросил в виду их излишней потрепанности. Он остановился возле них и стоял, переводя взгляд с их тел, на тело их убийцы. Он не понимал, в очередной раз не понимал природы человеческой жестокости, и только заслышав звук сирен, он заставил себя сдвинуться с места и как можно скорее, покинуть эту сцену тройного убийства.

Пройдя каким-то образом пару кварталов, и найдя пересечение двух улиц с табличками, где отражалось их название, он позвонил Франтишеку и попросил его приехать как можно скорее. Он забрался на какой-то памятник и ждал своего спасителя, и когда тот нашел его, всего в крови и с висящей как плеть правой рукой, он только сделал очень большие и круглые глаза, и сразу, не спрашивая ни о чем, помог ему добраться до машины. Затем он повез его к доктору, который владел отлично оборудованным кабинетом – да, на Асраила работали лучшие специалисты, и это успокоило его. Через час, чистый, с обработанными ранами, вправленной конечностью, побывав в какой-то лечебной капсуле, уже способный самостоятельно передвигаться, с помощью правильной фармакологии, он, поблагодарив доктора, уже ехал в свой отель. В новой и чистой одежде, и казалось, что он просто перебрал пива в одном из пражских заведений. Ну, с кем не бывает, ведь это волшебный и удивительный город, в котором так легко поддаться своим соблазнам и пойти на поводу у своих слабостей и инстинктов.

И вот теперь Закария, проспав почти до двенадцати дня, накинув на себя традиционную толстовку и джинсы, которые казалось, составляли основную часть его гардероба, и, ощущая лишь слабые афтершоки вчерашней потасовки, прогуливался по Праге. Он хмуро, или скорее, грустно наблюдал за туристами вокруг себя, и мысленно умолял их не ходить в малознакомые, и удаленные от безопасных туристических маршрутов районы. И не демонстрировать никому свои деньги и дорогие гаджеты. Бросив взгляд на наручные часы, он понял, что до встречи с его шефом остается меньше пятнадцати минут, он расплатился по счету. Покинув это уютное местечко, он зашагал в сторону площади, к которой примыкало очередное старинное здание, на крыше которого располагалась терраса кафе, где у него и была назначена встреча с Асраилом. Который потребует объяснения по поводу не санкционированного им боя с уличным грабителем, который чуть не вывел из строя его лучшего бойца, на мгновение расслабившегося и почувствовавшего себя суперменом. Что всегда было непростительно глупо и опасно. Ведь Асраил всегда карает тех, кто угрожает его инвестициям, особенно людей, которые порой ведут себя так глупо и не осмотрительно.

Глава 2.
Чудеса воскрешения.

Закария уже успел выпить две довольно большие кружки крепкого кофе, а Асраил все не показывался. Он словно превратился в невидимого нищего, который, согласно легендам, всегда присутствовал незримо в одном из пражских старинных кафе, устав от равнодушия людей, которые с каждым годом подавали ему все меньше. Он исчез, оставив на своем привычном месте, где он просил милостыню, картонку с надписью "Нищий невидимка". Но тут даже картонки никакой не было, и Закария продолжал терпеливо ждать своего сюзерена.

“Да, задерживается, как настоящий казахский гость”, – подумал Закария и неожиданно почувствовал легкую усталость, понимая, что и его организм не железный. “И в этом виноват я сам, устроив эту ненужную проверку своим силам. И, Асраил, безусловно, будет очень недоволен тем, что я принял участие в той потасовке, которая завершилась так же глупо и печально – три трупа и мои ранения. И лишняя работа для Франтишека и того доктора. А ведь есть еще полиция, которая, уже наверняка начала расследование и возможно, идет по моему следу”, – думал он с нарастающей тревогой. С другой стороны, он начинал, словно нехотя анализировать вчерашнюю прогулку, свое появление в том ночном кафе. “Странный мужик снаружи, два пузатых посетителя внутри, один из которых тянулся вовсе не к сахару. Он тянулся… Черт, как же я сразу не догадался. Он, воспользовавшись тем, что я оборачивался к парням, подсыпал мне в чай что-то. Возможно, снотворное. И, возможно, я бы под его воздействием и заснул, но тут сыграл свою роль мой собственный антидот – адреналин. И ситуация кардинально поменялась, когда я решил заступиться за тех двух парней. А если бы не та свара, я бы сильно ослаб, и тогда тот мужик, снаружи, просто бы встретил меня на улице и, стукнув

меня по голове, вытащил бы мой кошелек. Который я продемонстрировал тем пузатым, когда оставил официантке двадцать крон на стойке. Я идиот”. – резюмировал он свои размышления и еще более хмуро посмотрел на людей, сидящих за соседними столиками. “Есть тут всякие люди, со своими недостатками и странностями, а вот такой настоящий кретин среди вас один”, – мысленно обратился он к посетителям, словно признаваясь в вечной нехватке йода и элементарной наблюдательности.

Но тут, к своему удивлению, он заметил Асраила, найдя его взглядом в паре столиков от себя– видно тот уже сидел там какое-то время и наблюдал за ним. Закария покачал головой и встал со стула, перемещаясь к его столику, признавая за своим шефом талант появляться неожиданно, и всегда играть по своим правилам. Подошедшая официантка перенесла на новое место его посуду и Асраил, пользуясь случаем, сделал ей заказ, попросив на чистейшем чешском языке, как послышалось Закарии, принести большую чашку самого крепкого кофе. Девушка широко раскрыла глаза и кивнула головой, словно оценивая уровень владения языком нового клиента.

– Крепкие напитки для крепких людей, – сказал ей Асраил уже по-английски своим приятным баритоном, и она уже уходя от них, обернулась и явила ему настоящую, искреннюю улыбку.

Асраил с неожиданной хитрой ухмылкой на своем продолговатом лице протянул ему свою руку и Закария очень удивился этому широкому жесту – за все время их знакомства, а это уже было более шести лет, Асраил лишь несколько раз здоровался с ним за руку. Он пожал длинную руку своего шефа, и ему показалось, словно он передал ему часть своего внутреннего жара, или гнева, который он испытывал сейчас. Асраил все удерживал руку Закарии в своей, и оценивающим взглядом своих больших серых глаз смотрел на него, словно проверяя, сколько его подопечный сможет выдержать эту странную и довольно болезненную процедуру. Закария сильно поморщился, но не вскрикнул, хотя ему и казалось, что он получил ощутимый ожог.

– Ну, довольно с тебя, – сказал Асраил и освободил руку Закарии, и он едва удержался от желания опрокинуть на свою ладонь бутылку с холодной водой, которая стояла перед ним. Официантка принесла кофе и Асраил, ощутив своим правильным прямым носом его аромат, отпил из высокой стеклянной кружки, и наконец, решил перейти к делу.

– Ты меня удивил вчера, – сказал он, едва удерживая смех, и его высокий лоб прорезали несколько аккуратных морщин. – Ты же не фрилансер, не стихийный борец с преступностью, не вольнонаемный стрелок, ты работаешь в команде, у тебя четко обозначенная роль, тебя поддерживают и направляют. Выводят на позицию и говорят, когда нажать на курок. Четко обозначают мишени. А твои вчерашние проделки… Как ты еще жив остался.

– Я-то остался, а как быть с тремя трупами? – спросил Закария, словно отбивая выпад Асраила и тревожно поглядывая на шефа, дул на свою ладонь. – Это ведь уже не проделки…

– Какие трупы, друг мой… – Асраил все-таки рассмеялся искренним смехом, смотря с умилением на Закарию. – Там не было никаких трупов. Парочка юнцов были достаточно жестоко избиты толпой, но это мелочи – повреждения мягких тканей, разбитые носы, гематомы и прочие невинные результаты работы неумелых и хорошо выпивших фанатов. Нападавшие задержаны, улики в виде телефонов и прочей техники изъяты, и их родители уже едут из Голландии и Франции вызволять своих отпрысков.

– А как же тот, другой. Тот тип с дубинкой и ножом? – спросил Закария с разочарованием, будто его решили не принимать в бойцовский клуб по причине того, что один из дуэлянтов применял запрещенные приемы.

– Ну, ты, конечно, молодец, явил свою несгибаемую волю и силу духа, но ты просто отправил его в глубокий нокаут. Его реанимировали в машине скорой помощи, его сердечко вновь застучало, и сейчас полиция ждет, когда он очнется, чтобы допросить его.

–Ясно, – перевел дух Закария. Все вчерашнее приключение теперь еще больше напоминало какой-то нелепый цирк шапито, с откровенно дурацкой и оскорбительной программой, в одном из номеров которой он по своей глупости выступил, получив в качестве вознаграждения тумаки и улюлюканье зрителей.

– Они просто поджидали свою жертву, беспечного туриста, и тут появился я. Обычный расклад.

– Блестящая дедукция, друг мой. И это почти без иронии. Эта троица уже обработала несколько человек вот таким вот способом. И наш Франтишек, кстати, бывший полицейский, сразу раскусил эту комбинацию. Он их нашел и получил всю информацию. Из первых рук. Они не ждали именно тебя, да и это было бы невозможно. Они просто, таким образом, зарабатывали на свой хлеб. В общем, он с ними поговорил, все выяснил, и когда они оклемаются, а будет это… через три дня, – Асраил будто справился со своим графиком выписки пациентов, – так вот, через три дня их выпишут из больницы и тогда они уже перейдут в руки полиции. Бравой пражской полиции. И всю эту троицу экстрадируют на их родину. Куда-то в Румынию или Албанию, где за ними каких только подвигов не числится.

– Девушка, ясное дело, не была втянута в их дела, – сказал Закария уверенно, смотря, как Асраил достал из рюкзака, который стоял у его ног, планшет с большим экраном, и быстро включив его, искал что-то в открытом браузере.

– Она чиста, как слеза. Только спит со своим жадноватым и женатым шефом. Вот и все ее прегрешения., – промолвил Асраил и протянул Закарии свой гаджет. На экране был открыт местный новостной сайт, и Закария качая головой, смотрел на фото, сделанные на месте вчерашнего побоища. “Происшествие, которое чудом не закончилось смертельным исходом”, – перевел он слегка коряво заголовок новости и удивился количеству крови на месте происшествия. Он достаточно долго смотрел на фото того ночного хищника и с удовлетворением заметил, что он его все-таки хорошенько отделал. Затем Асраил, вернув себе планшет и покопавшись в нем еще, нашел пару фотографий и продемонстрировал их Закарии. На них он увидел ту самую девушку официантку в интимных объятиях пожилого и очень довольного жизнью бонвивана.

– Ты же знаешь, – словно отвечая на немой вопрос своего подопечного, молвил Асраил, – если фото хранится в памяти какого-то устройства, значит я всегда могу получить к нему доступ… И сделать эти мгновения чужой жизни частью своей памяти.

Асраил убрал свой планшет и положил его рядом с собой на стол. Он, казалось, просто наслаждался своим кофе и посматривал по сторонам, словно и не испытывал никакого гнева или злости по отношению к Закарии.

– Да, – сказал он веско, словно услышав его мысль, – я не виню тебя. Или вернее, почти не виню. Мне приятно, что ты меняешься, что ты встал под мои знамена, словно присягнув в верности моему делу. Я горжусь, что у меня есть такой солдат, как ты… Но, все же, в следующий раз старайся не воевать под воздействием наркотиков и стимуляторов.

– Черт, – отреагировал Закария, сразу вспомнив тот чай, после которого он чувствовал себя таким бодрячком. – Значит, это было не снотворное…

– Угу, – Асраил перевел взгляд своих голубых, холодного оттенка глаз на него. – Это заметил еще доктор, которому твое поведение показалось странным. Ты, конечно, переживал воздействия удара по своей горячей голове… Но, скажи, разве ничего тебе не показалось странным той ночью?

– Да, ты прав, – невесело произнес Закария, поразмыслив пару секунд. – Мне казалось, что я парю, и как-то подозрительно легко я оклемался после удара… Да и как я мог не заметить, что те парни, как и тот урод, были еще живы.. Да и сегодня я как-то слишком пафосно рассуждал о Праге…

– Очень интересный состав. Нет худа без добра. Я думаю, надеюсь, по крайней мере, что наш милый доктор сможет повторить и вывести формула этого боевого зелья. Может пригодиться, кто его знает, какие битвы нас ожидают в тумане завтрашнего дня. А ты его уже испытал, и результаты самые ободряющие, – добавил Асраил с видом рачительного хозяина и гордого за успехи своего ученика тренера.

Закария порозовел, словно его вдруг решили поздравить с Днем рождения все незнакомые люди вокруг, и ощущал легкую волну стыда. С другой стороны, он чувствовал себя намного бодрее, он понял, что он давно себя не чувствовал так свежо и молодо и он с удивлением смотрел на свою руку, которую так внезапно захотел пожать Асраил.

Шеф Закарии вдруг опять захихикал, словно вспомнил пикантные подробности некой вечеринки, в которой ее участники занимались кроссдрессингом.

– Ты его назвал ангелом… Нашего доктора… Который спас твою душу. И все порывался его поцеловать. А Франтишек тебя искал почти целый час. Ты от места происшествия каким-то образом добрался до границ города…. А это кварталов десять, не меньше.

Закария тоже начал смеяться, словно чувствуя, что это было единственной реакцией, которая могла избавить его от внутреннего стыда, скопившегося напряжения и чувства неловкости.

– А что за памятник был, на котором я его ждал, – спросил он, отдышавшись у Асраила.

– Памятник? Он сказал, что ты сидел на бордюре. Видно, препарат был действительно хороший, у тебя развились галлюцинации, – добавил, смеясь Асраил, и вдруг сразу стал серьезным.

– Ты, наверное, представлял, что ты опять в Легионе? И что у тебя новый бой с Толстым Джоном, у которого ты все еще мечтаешь взять матч-реванш? Это помогло тебе выиграть вчерашнюю уличную схватку?

– Угу, – выдавил из себя Закария, замечая, что начинает темнеть. Легион навсегда вошел в его память, ему даже снились сны о нем, но в реальности он понимал, что эта военная структура была слишком сложной и бюрократизированной, что делало его работу такой малоэффективной. Несмотря на то, что в Легионе были такие опытные и опасные люди, как тот же Толстый Джон, например. Или Такахаси. И прозорливость Асраила уже почти не удивляла его, он, словно убедившись в его способностях проникать в свое сознание и память однажды, теперь лишь смотрел на себя со стороны с его помощью, понимая, что Асраил не пытается удивить его, как липовый прорицатель или медиум на сельской ярмарке. “Он просто хочет донести до меня какую-то свою мысль или намекнуть на что-то важное с его точки зрения. А если Асраил считает что-то важным, то моя обязанность – принять это к сведению”, – думал он, следя за нахмурившимся лицом собеседником.

– Легион для меня закрытая тема, – сказал он достаточно твердым голосом. Асраил улыбнулся и погасив вопрос или сомнения в своих глазах, погрузился в себя.

“Легион был бы хорош, если бы каждая его операция не требовала такой длительной процедуры планирования и одобрения. И если бы он действительно карал преступников, а не просто спасал людей, жизни которых грозила опасность. И ведь какая мощная логистика, поддержка, новейшее оборудование, самые последние технологии, прекрасно подготовленные, опытные и сильные духом бойцы, и все это разбивается в простой приказ – никаких жертв среди людей, включая противников. Вы лишь идентифицируете объекты, выводите их из-под огня и покидаете место операции. Никаких боестолкновений. Никакого возмездия. Ответный огонь только в крайнем случае, если большая часть отряда подвергается опасности уничтожения. Вашу мать, хреновы бюрократы. Попробуйте спасти кого-то под шквальным огнем. Не стреляя в ответ… Это, конечно, свято и благородно – спасти гражданских, похищенных и истекающих кровью, кричащих от боли и отчаяния. Но ведь упустить бандитов, членов какого-нибудь картеля или группировки, которые потеряв одних кандидатов в покойники, сразу же

приступят к поиску других, было просто глупо”, – думал Закария, понимая, что он вновь погрузился в свои воспоминания.

И Закария однажды нарушил приказ. Но это давняя история, и достаточно печальная и сейчас, погружаясь в атмосферу нового задания, дух которого нисколько не напоминал миссии по спасению, проводимые Легионом, думать о которой совсем не хотелось. Хорошо бы узнать, на кого реально работает Легион, кто числится в составе учредителей этой частной военизированной структуры, армии, которая уклоняется от прямых столкновений с реальным и самым опасным противником. Наверняка, какие-то доброхоты, ангелы во плоти, моралисты элитарии, до которых каким-то чудом достучались родные и близкие жертв. Или не чудом, а благодаря немалому вознаграждению. Ведь операции стоили дорого, и содержать Легион могли только очень обеспеченные люди. Или какой-то влиятельный комитет, в состав которого до недавнего времени входил и Асраил. Да, он тоже ушел из него, окончательно разочаровавшись в его способностях и желании карать виновных. И в ответ, учредил собственную миссию – набирающую обороты армию одного бойца и нескольких вспомогательных единиц, отвечающих за поиск и определение местоположения убийц и насильников, похитителей и садистов, военных преступников и откровенных палачей. Как и всю логистику и вспомогательные службы – такую важную деталь этого механизма, выездную бригаду, которая могла быстро развернуться и начать действия в любом новом городе или другом населенном пункте. Даже врачи, водители и детективы, все входили в команду Асраила. Даже врачи…

– А кстати, что за капсула была у твоего доктора? Он загрузил меня в нее и все мои травмы, повреждения и порезы каким-то чудом испарились. Исчезли. Интересно, как ты получил такую уникальную установку, – произнес Закария, трогая себя за голову, и не нащупывая никаких следов сильнейшего удара, которым его наградили вчера ночью. Ни следов шишки, ни порезов, ни шва, который бы ему наложили на рану.

– Капсула? – Асраил посмотрел на Закарию так, словно он пришел к нему в гости домой и намеревался помыть свои ноги в его раковине на кухне. – Боюсь, тебе это почудилось. Ты же был под действием наркотиков, а они вызвали у тебя ряд сильнейших визуальных и тактильных галлюцинаций. Да и возможно, удар не был так силен. В общем, не ожидай от меня и моих людей чудес, не все можно вылечить и поправить, полежав в какой-то волшебной капсуле.

Закария покачал головой – что ж, действительно, часть вчерашних событий явно ему пригрезилась, и очевидно, его противник не нанес ему уж очень серьезных ран или увечий. Кое-что дорисовало его воображение, подстегнутое этим препаратом, подлитым ему в чай. Он только слабо надеялся, что все же тот мужик с дубинкой реально представлял угрозу не только для него, но и для тех двух парней. Не зря же он его так отделал…

– Не зря, все не зря, мой друг, – произнес Асраил неожиданно бодрым и злым голосом, словно отзываясь на его сомнения и разрушая их. – Ты не зря ушел из Легиона, не зря стал работать со мной, не зря вчера пытался спасти чьи-то жизни. Все что ты испытал и сделал, все не зря, это самое ценное, что человек получает в свой жизни – опыт.

Вдруг он подмигнул Закарии и сказал ему негромко, стараясь не смотреть на новых посетителей кафе, которые появились в нем с наступлением ночи.

– Они уже здесь. Наши убийцы здесь.

Глава 3.
Чуть подпорченная карма.

Закария заказал себе мясо и овощи, а Асраил, который казалось, питался святым духом, несмотря на свой гигантский рост – он достигал не меньше двух метров, и был атлетически сложен, опять заказал себе крепкое кофе и на этот раз воды. Они уже аккуратно и деликатно осмотрели новоприбывших и Закария в который раз убедился – у самых настоящих подонков, всегда самая обычная, даже невинная внешность. Трое парней мило о чем-то беседовали, потя-

гивая принесенное пиво, под светом дизайнерских фонарей, и сидя на уютных диванах. И ни их светлые волосы, ни открытые и в чем-то простодушные и восторженные лица не говорили о том, что они серийные убийцы. Которых, как оказалось, они и поджидали здесь. С тихих, но веских слов Асраила, они регулярно убивали молодых девушек, предварительно изнасиловав и избив их. Не оставив на их лицах живого места и начинив их тела свинцом и металлом. Да и сама атмосфера этого люксового и дорогого кафе, казалось, исключала любые намеки на вторую, тщательно скрываемую темную половину личностей своих посетителей. Все тут словно говорило – “Ешьте, пейте и веселитесь, наслаждайтесь, забудьте обо всем, что печалит и расстраивает. Ведь вы в Праге, в этом ярком и светлом городе, где все думают только о красоте и гармонии”. “Мать вашу”, – думал Закария, “Я бы прикончил вас голыми руками, ну, на крайний случай, воспользовался вот этой вилкой, чтобы понять, есть ли у вас сердце”, – думал он, приступая к разделке куска мяса, которое ему только что принесли, и косо поглядывая на столовый прибор, поражавший своим размером и весом.

Асраил вдруг ожил и опять протянул Закарии свой планшет, который тот принял правой рукой, отложив нож, и положил перед собой, удостоверившись предварительно, что поблизости нет ничьих внимательных глаз.

– Вот, посмотри, а я пока попью кофе и попытаюсь насладиться атмосферой этого вечера…

Закария припал к планшету, и, проводя по экрану пальцами, переходя с одного фото на другое, с содроганием и какой-то тоской в глазах смотрел на трех молодчиков, которые по очереди насиловали и избивали кастетами и битами двух молодых и красивых девушек. Будто кто-то снимал все их действия поэтапно, отслеживая этот страшный прогресс и динамику. На других фотографиях, девушек, уже с неузнаваемыми лицами, всех покрытых синяками и кошмарными ранами, добивали выстрелами из нескольких пистолетов, целясь им прямо в головы. Его вдруг пронзил такой приступ внутренней злобы, которая казалось, только и ждала удобного случая, чтобы напомнить ему и о существовании его собственной, пугающей стороны.

– Ты специально дождался, пока мне не принесут мясо? – спросил он с тихой яростью Асраила, боясь посмотреть на парней, чтобы не выдать себя тем гневом, который обезобразил его лицо.

Дрожь пробежала по всему его телу, и он, выключив планшет, огляделся, слегка успокоившись, окидывая взглядом людей вокруг себя. Асраил задумчиво пил свой кофе, смотря куда-то в сторону, туристы за соседними столиками так же были заняты обсуждением впечатлений от Праги, и будто не подозревали, или на какое-то время забыли, что в мире есть такое настоящее, чистое и концентрированное зло. Терзающее невинные души, уродуя и уничтожая тела, в которые их на время пристроили. Трое парней продолжали ворковать, и, решив запечатлеть этот выход в свет, и открывая вечер селфи, пересели на одну сторону, разместившись на диванчике, и как-то жеманно смотрели в линзу смартфона, который один из них, самый симпатичный на вид, поднял и зафиксировал их, возможно, последнюю совместную трапезу.

– А это хорошая мысль, – сказал Асраил неожиданно, заметив их манипуляции с телефоном, и кивнув Закарии, который нехотя повиновался и последовал за своим шефом, который уже быстро выскочил на свободное место возле их стола, и, прижав к себе недовольного подопечного, поднял над ними свой телефон и щелкнул кнопкой на экране. Направив его основной, внешней камерой на трех молодчиков, которые не обратили никакого внимания на эту затею Асраила.

– Я тоже умею снимать в оперативной обстановке. И я тоже терпеть не могу селфи. Как и их фанатов, особенно самых заядлых, которых порой просто хочется убить, – прошептал он, усиленно подмигивая Закарии. Вернувшись на свое место, он наблюдал за тем, как тот хмуро приступает к прерванной трапезе. У Закарии пропал аппетит, и он опять погрузился в свои мысли, рассеянно наблюдая за Асраилом, который отведя от него взгляд, забыл про

него и откровенно развлекался – в приложении на своем телефоне он помещал фото парней в траурную рамку. Становилось прохладно, и он накинул на себя капюшон своей толстовки и что-то напевал негромко, Закарии послышались слова “Аве Мария”.

“Кудай май”, – подумал Закария, смотря на своего шефа, который вдруг показался ему похожим, слегка уйдя в тень, на какого-то зловещего монаха, или повелителя темных сил, на которого вдруг кто-то накинул сумрачные одеяния, возможно сама судьба, и его настоящая сущность показалась на мгновение, проступив через его светский наряд. А сама терраса напомнила ему балкон башни какого-то готического замка или собора, где Асраил, наметив свою жертву, загодя отпевал души грешников и готовил свою погребальную команду к обряду очищения их душ. Postmortem.

В этот момент у одного из сидящих за соседним столиком зазвонил телефон, и его владелец, полноватый азиат, широко улыбался за своим столиком, поднимая телефон вверх, и демонстрируя его своим друзьям, которые с энтузиазмом слушали мелодию звонка. Это была торжественная органная музыка, которая играла все громче, делая их похожими на участников той странной сидячей процессии, которая почудилась Закарии на мгновение. А те, кого собиралась отпевать в недалеком будущем, пока наслаждались, как могли этим миром, и не подозревали о своей скорой кончине. Закария все-таки бросил на них пристальный и долгий взгляд, еще раз убеждаясь, что на фотографиях, показанных ему Асраилом, были именно они. Но те, увлекшись беседой и налегая на пиво, казалось, ощущали себя центром этого мира, храня свою тайну, и не замечали ничего вокруг, даже таких откровенно злобных взглядов, продолжая играть роль обычных, правда, очень состоятельных туристов.

– Бах, Токката и фуга ре минор, почти угадали, – неожиданно прокомментировал мелодию Асраил и вновь уткнулся в свой телефон.

– Fiat justitia.., – добавил он, бросив на Закарию взгляд мирового судьи, но его собеседнику эта цитата показалась подозрительно короткой, словно оборванной, но от этого, не менее непонятной.

– Да свершится правосудие, – перевел с латыни Асраил и турист, наконец, ответил на звонок, что лишило сцену такой напряженной музыкальной драматургии. Вдруг вновь засветился один из фонарей, погасший на короткое время и картина мира вновь стала привычной и понятной. Исчезли все видения и стихли подозрительно вовремя зазвучавшие мелодии.

– Все-таки, скажи мне, как ты получаешь эти фото. Эти улики. Там ведь еще есть и видео, я правильно понимаю? – Закария теперь думал о тех фотографиях, удивляясь и содрогаясь мысленно мастерству фотографа или продвинутости техники, которая запечатлела те страшные сцены в таком высоком разрешении, и хладнокровно поймав точно в фокус самое страшное.

– Угу, – сказал негромко Асраил, переводя взгляд своих голубых глаз на своего собеседника. – У меня на них полное досье, – добавил он. – А насчет того, откуда все эти свидетельства… Не забивай себе этим голову, лучше поешь. Что за это за казах, который отказывается есть мясо. Тем более, такую сочную говядину.

Подумав пару секунд, он добавил

– Можешь считать, что у меня в штате есть разные специалисты. Виртуозы своего дела. Кто-то собирает информацию, кто-то наблюдает за их подвигами и фиксирует их. Кто-то ее анализирует, кто-то производит акт возмездия, кто-то производит зачистку места… Это же процесс, состоящий из разных этапов, и который требует огромной подготовительной работы. Ресурсов. Бюджетов. Специальной логистики. А я все координирую и поддерживаю слаженную и безостановочную работу этого механизма.

Закария, слушая Асраила, уже жалел о заданном вопросе – ведь все равно, Асраил не скажет правды. Отделается общими фразами. Лучше бы он спросил, чего они ждут, почему

продолжают сидеть здесь, рядом с этими подонками, словно оскверняя свою карму соседством с ними.

– Это гастролеры, я за ними наблюдаю уже давно, и на моей стороне самые передовые, даже уникальные технологии, трекинг, камеры в аэропортах и на улицах, отслеживание любых перемещений, включая их средств на банковских картах. Ну и еще кое-что, что я пока не могу раскрыть тебе, – сказал Асраил слегка уставшим голосом опытного следователя, который общается с недалеким активом какой-то сельской общины, которая страдает от нашествия грабителей на свои сады и огороды, защищая их по старинке с помощью пугал и капканов.

– А ты солдат, сиди и жди очередного приказа. О наступлении или отступлении. Что тебе, плохо здесь, со мной, – добавил сурово Асраил, пряча улыбку в глубине своих глаз. – А мне еще нужно подумать, – добавил он уже серьезно, и Закария кивнул головой – это уже было похоже на правду, и есть очень серьезные обстоятельства, которые Асраил взвешивал, и принимал какое-то важное решение. Он может и подождать, и он опять принялся за еду, словно лишь хотел отдать дань уважения умелым поварам, которые приготовили ее.

Он, жуя, опять погрузился в размышления, по примеру своего шефа. Накануне он листал сайт с цитатами Гашека, и одна мысль писателя очень тронула его, словно отражая его собственное бытие и генезис – "Каждый солдат украден из своего дома". Он теперь старался представить себе свой дом, то место, которое дополняет его на каком-то энергетическом, духовном уровне. Алматы он покинул более десяти лет назад и теперь жил в Канаде, в одном небольшом городке, владея там отелем и магазином. Там, в Альберте ему было спокойно, но пресновато, не хватало острых ощущений, к которым он уже привык. Он неожиданно осознал, что его дом там, где рядом вьется Асраил, каждый раз выбирая новую локацию и словно знакомя его с этим миром, который он сам знал, как свои удлиненные и аристократичные пальцы. Погружая его каждый раз в новый водоворот чужих страстей и пороков, и нанося по их обладателям свой решительный и кровавый удар. “Куда я в итоге забреду, где окажусь, где я проявлю слабость или не смогу вовремя среагировать на явную или скрытую угрозу”, – думал он. Где найду свое последнее пристанище. Ведь Асраил не будет вечно колесить по свету, поняв, что все зло не искоренить, а люди всегда будут оставаться людьми” – думал он, тщательно пережевывая мясо.

“Украден из дома, а кто же меня украл? Я сам, пойдя на поводу у своих страстей, или все-таки этот Бекеш, который лишь ухватился за мою собственную инициативу и получил свою выгоду, использовал меня в качестве карающего меча своего правосудия. Какое странное слово – правосудие, законы лишь трактуют его, а люди вооружаются им как щитом, совершая свои привычные действия – воруют, или лишают жизни других. Да и я сам, чем я лучше обычного преступника, который живет по понятиям” – размышлял он. Ему хотелось верить, что он все-таки лучше. Но те два выстрела, произведенные им в Алматы, словно разделило его жизнь на две половины – до и после, что автоматически перевело его в разряд грешников, отвергнувших святость человеческой жизни и единоличную власть бога распоряжаться этими жизнями. Оставляя по какой-то причине в живых преступников и прибирая к себе невинных.

Да, это его преступление и поселило в его душе хаос и смятения, лишив его веры и надежды на спокойную жизнь, которую он пытался найти в одной из канадских провинций, уехав из Казахстана. А Асраил, точно угадав его сомнения, его мрачный настрой и неспособность простить самого себя, и желание карать убийц своим собственным судом, перевел его терзания и намерения на другой уровень. Так и состоялась эта страшная сублимация – ему предложили роль того, кто воздает по заслугам тем, кто заслуживает этого. Самой страшной кары и быстрого суда, который чинят он и его таинственный заказчик Асраил, словно не веря в ад, не веря в концепцию страшного суда и прочие традиционные посмертные страшилки.

А что до суда небесного, то все меньше верилось в его существование, словно он, Закария, был уставшим от суеты и борьбы за существование мещанином, который отвергает наличие просвещения и культуры. Не видя в них ничего практичного и полезного, ограничивая

себя и свое существование до уровня пошлых фраз и мыслей, оставаясь в своей привычной колее, которая все больше превращает его жизнь в нелепую комедию и фарс, которые закончатся настоящей драмой. Но думать о драме пока не хотелось, его внутренний голос и сила словно вытолкнули из него вопрос, который Асраил, ведя свою традиционную игру, давно ждал от него, не показывая этого внешне.

– Значит решено. Всех троих?

– Вот это слова настоящего легионера. Настоящего темного легионера. Долой очередные сомнения и рефлексию. Хватит мечтать о спокойной смерти в своей постели и спасении своей души. Поверь, никто за ней не гоняется, как за самым ценным и перспективным лотом на аукционе. А мы…Мы учредим новый Легион! В твоем лице! Похоронив и затоптав старый, смердящий и с вялой мошонкой, а явив миру новый, смертельно опасный, со стальными тестикулами, которые звеня, наведут страх на всех врагов мирного населения. И первым солдатом этой армии стал ты, Закария. Ты навсегда будешь ее знаменосцем. Легендой! – Асраил казалось, был больше вдохновлен вторичными половыми признаками нового Легиона, чем его сутью, будто он только что читал пособие по анатомии.

– И да, прости за пафос, – сказал он, оправдывая свое увлеченное и громкое пророчество. – И кстати, – добавил он, – я очень лояльный руководитель, и у меня на тебя большие планы, так что, никто тебя в беде не оставит, только если ты сам не совершишь чего-то непоправимо глупого. И поверь мне, наш путь будет очень долгим, гораздо более долгим и увлекательным, чем обычная человеческая, и такая непродолжительная жизнь, – добавил он тоном опытного лайф-коуча и подозвал жестом официанта, попросив принести счет.

Он расплатился несколькими купюрами, и Закария заметил, только сейчас, что трое их парней уже направились к выходу, быстро расплатившись и оставив неприлично большую сумму на чай. Асраил, словно не желая уступать им в щедрости, оставил сверх счета тысячу евро и они, сопровождаемые удивленным и благодарным взглядом официантки, слегка задержались у выхода, который Асраил, словно захмелевший турист, сравнил с порталом в другую реальность, где миром будет править новый Легион под его скромным командованием, и все-таки покинули террасу. Они спустились по лестнице и окунулись в яркую пражскую ночь, которая еще таила для них много сюрпризов, как приятных, так и не очень.

Глава 4.
Управляемый занос.

Ночь давно опустилась на город, и Асраил с Закарией шли не спеша по очередной площади, напоминавшей огромную шахматную доску, а Закария думал о том, чего на самом деле ждал его шеф, когда они так долго оставались на той террасе, на крыше здания. Ведь не его же очередного признания в верности цветам их команды.

А Асраил взяв свой планшет в руки, читал на ходу, а его подопечный внимал с видом туриста, которому гид с гордостью зачитывает имена самых известных злодеев его города.

– Майкл Лемм, Энди Уотерс, Роберт Флеминг. Всем от 25 до 28 лет. Майкл – владелец собственной IT компании, остальные два – дети очень богатых родителей. Хобби – яхты, автомобили, путешествия, гонки на мотоциклах. Скайдайвинг. Погружения на большую глубину. И прочие опасные увлечения. Типичные адреналиновые наркоманы. Ведут, не считая своих увлечений, здоровый образ жизни. Максимум, что себе позволяют – пиво, если выходят в свет, или шампанское, когда отмечают свои успехи.

Закария бросил хмурый взгляд на Асраила, словно тот чего– то не договаривает.

– А чего мы ждали на крыше. Операция, как я понимаю, состоится завтра?

– Да, друг мой. Я ждал подтверждения того, что в арендованный ими особняк привезли пару очень дорогих проституток. Сегодня юнцы, как они обычно поступают, вступят с ними в групповые половые отношения, а завтра, они опять одни, втроем, прогуляются по городу

и вернутся, чтобы осуществить свой привычный ритуал. Они как язычники, которые сначала откармливают своих агнцев перед их закланием. Внушают надежды, осыпают девочек деньгами и драгоценностями. А когда они устраивают им прощальный ужин, они и показывают, что вечеринка только начинается. Что после главного номера ее программы их унесут не на руках в вызванный лимузин, в пластиковых пакетах в специальный фургон и увезут подальше, чтобы закопать или сжечь.

Они подошли к какой-то арке и Закария остановился, словно желая переварить услышанное. Он присел в этой самой арке на какую-то коробку и Асраил тут же устроился возле него, все так же держа свой планшет в руках. Он напоминал чем-то CEO или венчурного инвестора, увлеченного своим новым стартапом, настолько погруженного в него, что он в любой ситуации изучает его, пытаясь мысленно представить все его этапы и набрасывая на своем планшете свои комментарии и идеи по поводу того, как его улучшить.

– Ты, кажется, хочешь поменять правила игры? Задумал какие-то новшества?

– Да, я вдруг осознал, что мы в своей деятельности должны опираться на самые железные доказательства вины своей целевой аудитории. Caughtinaction. Всегда. Ты пойми, для меня сейчас самое важное – наш новый проект, новый Легион, и я хочу быть уверен, что все процессы отвечают самой железной логике. Ведь сейчас мы внедряем и отрабатываем эту новую для нас процедуру, и очень важно, чтобы каждый этап соответствовал определенным, даже самым высоким стандартами и мог быть улучшен в будущем.

Закария покачал головой.

– А мне кажется, ты все усложняешь. Я сегодня, сейчас еду туда и приканчиваю всех троих. Зачем нам нужны лишние жертвы? Зачем ждать, пока они разделаются с этими бедными проститутками??!!

Асраил убрал свой планшет обратно в рюкзак и пододвинул к себе коробку, и смотрел на ее дно задумчиво, словно собираясь начать сбор денег в пользу какой-то подозрительной ночной благотворительной акции. В тускло освещенную арку зашло несколько подгулявших парней и девушек, с пакетами в руках, и, увидев эту трогательную парочку, со смехом поставили в коробку пару бутылок пива, словно приняв их за двух выпивох, у которых кончились деньги. Громко посоветовав Асраилу и Закарии поправить свое здоровье и идти домой, они шумно удалились. Закария невесело рассмеялся, а Асраил проводил веселых молодых людей благодарным взглядом и, улыбаясь им, показывая жестом, что пиво им сейчас совсем не помешает.

– Не все так просто, мой друг. Мы не можем просто взять и лишить их жизни. Нам нужны реальные доказательства, самые свежие улики. А не то фото и видео материалы, которые у нас имеются. Считай это моей блажью, но таков будет ритуал – тело за тело, пролитая кровь за кровь твоей жертвы, возле которой ты стоишь с ножом, с которого капает кровь убиенного тобой человека. – Асраил после своей тирады взял в руки бутылку и рассеянно разглядывал этикетку на ней.

– Это как уж слишком жестоко, просто ждать и наблюдать, пока они расправятся с …

Асраил вдруг хлопнул его по плечу, отвлекая от излишнего погружения в вопрос, который он явно считал и так предельно ясным и решенным, и, положив обратно бутылку, поднял свой рюкзак, и, закинув его за спину, потащил Закарию прочь из арки. Они вышли на ярко освещенную улицу с проезжей частью, которая извиваясь, уходила за поворот, и встали, словно ожидая какого-то очень серьезного происшествия, или нового пришествия в этом ничем не примечательном месте.

– Чего мы ждем? – спросил Закария, поглядывая на своего шефа весьма подозрительно.

– Тсс.. – Асраил, похоже, пытался уловить какие-то неявные, слышимые только ему признаки приближающейся к ним угрозы.

Закария пожал плечами и облокотился на какой-то выступ в стене дома, возле которого они оказались.

– Еще скажи что-нибудь, типа – истинно тебе говорю, сейчас произойдет чудо! – сказал он иронично, но Асраил казался непрошибаемым, словно отгородившись от всего мира и настраиваясь на видимые только ему события или их приближающуюся тень.

– Слушай, а ведь у них тут кроны, а ты заплатил той девушке в евро… Ну, той официантке в кафе…,– Закария пытался любым способом разговорить Асраила, и понять степень его адекватности – ему казалось, что тот откровенно чудит сегодня, как он вчера.

Асраил ответил ему нехотя, словно общаясь с дитем неразумным, которое порой не понимает истинный смысл простых поступков взрослых.

– Да, но этой девушке нужно было именно 1000 евро, что-то у нее там случилось. Кажется, заболел отец. Нужны лекарства или сиделка, на первое время ей этого хватит. Ну и конечно, оставил кроны, чтобы рассчитаться за наш ужин.

Закария удивленно посмотрел на своего шефа, все-таки удивившись очередному факту чтения мыслей, и подумал, что Асраил может быть одновременно таким заботливым, и таким жестоким, прямым текстом говоря ему, что та троица сначала должна свершить свой кровавый ритуал, а только потом понести заслуженное наказание. Ему совсем не нравилось это новшество, и он чувствовал себя как соучастник преступления. Ведь в уголовном Кодексе любой страны есть статья, предусматривающая жестокое наказание для того, кто был в курсе планируемого или осуществленного преступления, но не уведомил об этом соответствующие органы. Да и раньше, им хватало лишь, как ему казалось, косвенных улик – фото и видео материалов, показаний источников, которые добывали сыщики Асраила, наподобие этого шустрого и умелого Франтишека. А тут, получалось, что он знает о захваченных заложниках и не может ничего сделать для их спасения. Как это отличалось от действий и миссии Легиона – невзирая на любые жертвы в своих рядах, спасти захваченных людей и освободить их. И легионеры шли на это, ведь их отбирали очень строго и скрупулезно, с помощью самых изощренных психологических и биологических тестов, опираясь на самые строгие рекомендации, проверяя и анализируя их поведение во время каждой операций. Легионеры в каждый бой шли как в последний, но у них был, наверное, этот ген, который толкал их к спасению чужой жизни, не обращая внимания на свою. Да и материальное вознаграждение было весьма приличными, плюс бонусы. Плюс щедрая компенсация, своего рода пожизненная пенсия членам их семей после смерти кормильца. То есть, легионера. А он, черт, он уж совсем далеко удаляется от этих стандартов, которые он, в общем-то, уважал. Не принимая в целом громоздкость и излишнюю бюрократизацию Легиона…

Тут что-то привлекло внимание Закарии, и он увидел, как Асраил кивнул головой в сторону приближающегося автомобиля – заряженного хэтчбека, который несся по улице, обгоняя другие машины, игнорируя сигналы светофора и дорожную разметку. Словно этого он и ждал, и затем притащил сюда Закарию. В этот самый момент на пешеходном переходе неожиданно появились, вынырнув из какого-то проема в стене, наверное, там был выход из какого-то маленького дворика, трое парней и одна девушка. Завидев несущуюся на них машину, они сделали отчаянную попытку избежать столкновения с ней. Они метнулись в сторону, но машина медленно, будто кто-то замедлил происходящее, внеся в каждую минуту больше секунд, врезалась в одного из парней, поднимая его на свой капот, и принимая его тело в свое ветровое стекло, ударившись об которое, и разбив его своей головой, он отлетал в сторону. Уже, будучи не человеком, а гуттаперчевой куклой, чьи конечности и суставы были излишне податливы и мягки. И эта кукла уже падала на асфальт, оставив на нем последние признаки живого, наполненного смыслом тела, разбив об него все то, что не успел повредить капот и стекло автомобиля. А машина неслась дальше, совершив лихой поворот, почти встав боком на два колеса, управляемая в заносе дьявольским пилотом, который открыл этой жертвой свой кровавый счет в этой страшной гонке. Но все это лишь привиделось Закарии, который, как ему показалось, был единственным свидетелем, ну кроме той четверки пешеходов, так бездарно

копировавшей проход через дорогу легендарного ливерпульского квартета. Время будто кто-то открутил назад, и ничего этого на самом деле не произошло, не было – ни столкновения, ни парня на капоте, ни его падения на асфальт – все это почудилось Закарии и всем участникам этого странного, призрачного ДТП. Машина, как вовремя погашенная вспышка сибирской язвы, вернулась на свою стартовую позицию и повторила свой маневр, сильно притормозив, в этот раз лишь по касательной задев одного из парней. Он, пару раз прокрутившись на месте, упал с криком на асфальт, и к нему тут же подбежали с криками его друзья. Хэтчбек проехал по инерции еще метров десять, словно нехотя уткнулся капотом в столб уличного фонаря, и, обняв его своим бампером, выдохся и остановился.

Закария негромко вскрикнул от удивления, словно он был первым посетителем кинотеатра нового формата – с полным погружением в происходящее на экране. Асраил же начал тревожно озираться по сторонам, отойдя от стены и сканируя местность на признак наличия источников какой-то потусторонней силы. Он вдруг увидел молодую и миниатюрную женщину, которая, казалось, тоже кого-то высматривает, и встретился с ней взглядом, вздрогнув и погрузившись в задумчивость. Машины резко тормозили перед переходом, из них начали уже выбирались водители, громко комментируя ситуацию. Парня уже подняли и он, держась за бедро, начал с помощью других каскадеров, словно после неудачного трюка, передвигаться к тротуару, подальше от опасной проезжей части. Из гоночного болида выгрузились двое мужчин, и слегка пошатываясь, озирались по сторонам. Один из них быстро пришел в себя, что-то закричал и кинулся к четверке, свалив того самого, пострадавшего парня, довольно умелым ударом на асфальт. Поднялся крик и Закария, громко чертыхнувшись, накинув на себя капюшон своей толстовки, и сопровождаемый каким-то грустным и даже унылым взглядом Асраила, кинулся в толпу и свалил гонщика мощным ударом с ног, приземлив его рядом с его жертвой. Затем он поднял его и откинул так далеко и мощно от себя, что все окружающие его люди оторопели, а затем уважительно зааплодировали и засвистели.

Другой мужик, приятель гонщика, рванул с места и намеревался сзади ударить Закарию по голове, но Закария быстро развернулся и подсев и закрутив тело, распрямился и поднял его в воздух резким и стремительным апперкотом, после которого он тоже завалился вниз и уже больше не подавал признаков жизни. Действия Закарии встретили одобрительным ревом, но он, кинув взгляд на ударенного водителем парня, убедился, что у него просто расквашен нос, подмигнул ему и быстро покинул место действия, следуя за Асраилом, который уже скрылся в арке.

– Что это было, Асраил? – крикнул он ему с гневом в спину, все еще переживая увиденное и потирая костяшки правой руки.

Асраил замедлил слегка шаг, и слегка пожав плечами, подождал, пока Закария сравняется с ним и привычно посмотрит на него справа и снизу вверх.

– Просто хотел тебе показать, что в любой ситуации есть действия и противодействие. Сила, которая порождает другую силу. Если бы не…. Если бы все случилось, как должно, то есть если бы та машина убила бы того парня, водителя вытащили бы из машины и растерзали друзья пострадавшего. Силой своей ярости и движимые своей ненавистью и горя отмщением. Примерно тот же алгоритм, про который я тебе говорил. Сначала одно тело, потом другое. Но, все пошло каким-то странным, непредвиденным и даже дурацким образом…

– Так это ты не подстроил тот наезд? – почти закричал Закария останавливаясь.

– Не будь ты таким дураком, Закария. Я же не какой-нибудь отморозок. И у меня больше вкуса. Я просто почувствовал, что этот наезд состоится. И привел тебя сюда, угадав место и время… Да, у меня есть определенные способности предвидеть, но специально такие страшные события я навлекать и устраивать я не в силах, – Асраил казалось, не оправдывался, а пытался втолковать неразумному своему собеседнику мысль, которую тот постичь до конца не мог. Да и говорил он так, словно сам не мог воспринять это происшествие и смириться с

ним, все еще пытаясь разобраться и проанализировать его. Что-то очень сильно тревожило его, что-то пошло не так, и Закария это хорошо ощущал и сам, погрузившись в какое-то тревожное состояние. Сбитые люди, сумасшедшие и пьяные водители, ожидание кровавой развязки, Асраил, опять погружал его в какой-то кровавый цирк, который предотвратил кто-то более человечный и гуманный. Кто-то очень сильный. Но кто…

Они ускорились и наконец, достигли гостиницы, где остановился Закария. Асраил, пытаясь говорить о более понятных и простых вещах, отложил тревожные размышления на завтра, решив заговорить на отвлеченную тему.

– Ну, как тебе твоя гостиница, хорошо устроился? – спросил он, напоминая координатора тренингов, который собирает отклики участников международного семинара о качестве проживания.

– Все хорошо, уютно и недалеко от центра, сегодня прогулялся пешком до старого города, – ответил Закария, тоже поняв, что сегодняшний, долгий и странный день должен завершиться вот такой мирной беседой.

– Ну, тогда отдыхай. Был рад, что именно ты со мной разделил события этого дня. Завтра я направлю за тобой машину, по пути заедете к оружейнику. Выберешь арсенал на свое усмотрение… И потом отправитесь к месту задания.

Закария словно собрался с духом и спросил Асраила, опять кардинально меняя тему разговора.

– Ты появишься?

А Асраил стоял, поправляя свой рюкзак, погрузившись в свои мысли, рассеянно наблюдая за людьми на улице и проезжающие машины. Да, Асраил с некоторых пор стал являться собственной персоной, под самый занавес, словно проверяя качество работы Закарии, и смотрел в еще живые глаза их жертв, которые уже закрывались и свидетельствовали о том, что тело агонизирует. А мозг в последние секунды контролирует все тело, давая последние импульсы сердцу и другим органам, отвечающим за обеспечение жизнедеятельности организма. Да, последние удары сердца и жизнь покидает их, а Асраил говорит слегка философским тоном.

– Ты почти труп… И как же вы не поймете, что вы все братья и сестры. Эх, люди-люди…

– Да, без меня, пожалуйста, не приканчивай их, – сказал он после некоторой паузы, пытаясь мысленно представить себе картину грядущих событий. Вдруг Асраил улыбнулся и хлопнул Закарию по плечу, подмигнул ему и направился в направлении, известном только ему. Уходя, он крикнул ему бодрым голосом, словно он был тренером, который перед уходом в загул наставляет своего не очень удачливого спортсмена.

– Это будет жаркая заварушка. Но у тебя все получится. Истинно тебе говорю!

Глава 5.
По личным обстоятельствам.

Ангелла Карра, одна из Неприкасаемых, самая независимая и гуманная, в то же время, самая воинственная представительница Семьи древних существ, вечных душ, источников энергии неземной силы, прибыла в Прагу, уступив просьбам своего Хранителя – Мастера Вайды. Старик явно был чем-то очень встревожен. И она, наконец, согласилась проведать его. Неохотно расставаясь со своим уютным домом и со своими книгами, но в то же время, понимая, что ей надо проветриться и набраться новых впечатлений. Она любила этот город и всегда была рада оказаться здесь, на время, покинув свой родной город – Рим. Если Рим был для нее вечным городом, то Прага ей казалась вечным источником вдохновения и новых ощущений.

Она была нетипичной Неприкасаемой, почти единственной, кто не прятался от людейза высокими заборами или стенами роскошных вилл или бункеров. Как и все Неприкасаемые, она несла в себе энергию, чей высокий уровень влиял и на нее саму, и на тех, кто оказывался рядом с ней. Она могла исцелять, могла просто поднимать настроение, могла предотвращать

некоторые неприятные или просто устрашающие события, правда, затрачивая колоссальный объем собственной энергии. Она слегка жалела о своих подвигах после, укрываясь у себя дома, как классический интровертуставая от долгого общения с людьми. Или, как это случалось, и довольно часто, когда уровень ее энергии оказывался критически низким, она являлась под очи своего Хранителя, Вайды. Который, ворча и деликатно критикуя ее за излишнюю отзывчивость к людской доле, помещал ее в свою энергетическую капсулу и подключал ее к источнику внешней энергии. Старый мастер умело генерировал эту тонкую материю, правда, в довольно небольших количествах, ведь оборудование у него было древнее, а сам он напоминал скорее алхимика, а не технического специалиста. У него не было никакого новомодного и современного оборудования, и он до сих пор колдовал в своей старинной лаборатории, обслуживая всего одного, но самого важного пациента в своей практике, да и всей жизни.

А что касается самой пациентки, то она не стремилась к тому, чтобы инструментарий ее Хранителя обновлялся, оставаясь вполне довольной теми колбами и склянками, из которых Мастер извлекал ту самую энергию, рецептом которой она когда-то очень давно, сама поделилась с ним. Она вообще не стремилась к роскоши, статусу, к регалиям и так и не стала частью того истеблишмента, который учредили для самих себя ее братья и сестры. Она предпочитала то уединяться, отдаваясь своему сочинительству и фантазиям, то работать в поле, напоминая себе вечного исследователя или спасателя, который не боится замарать своих рук и умело комбинирует практику с теорией. Она была вечным фрондером и даже оппозиционером, который со скепсисом смотрит, как Неприкасаемые все больше отдаляются от людей, стараясь сберечь, а не дарить свою спасительную энергию. “Чертовы бесполезные аккумуляторы, – думала она про них и криво усмехалась, узнавая про их новые реформы или инструменты, через которые они все-таки старались осуществить свою миссию на Земле. Правда, весьма криво и не эффективно.

А миссия их, по ее мнению, была простой и понятной – поддерживать род людской, и всячески помогать им, по возможности. При этом, оставаясь незамеченными, оберегать человечество от всевозможных потрясений и катаклизмов. Включая деяния обычных подонков и преступников, так и более выдающихся и масштабных злодеев. Но Неприкасаемые слишком часто шли на сделку со своей совестью и слишком много думали о своей собственной безопасности и комфорте, превращая свое предопределение в чисто декоративные и номинальные функции. Ангелла с энтузиазмом встретила идею учреждения Легиона, который, как ей казалось, станет реальной силой и протянет людям руку помощи. И несколько веков ее судьба тесно переплеталась с историей развития Легиона. Она принимала самое активное участие в его деятельности. Но потом, что-то забуксовало, Неприкасаемые вечно пытались подстраховаться или перестраховаться, и каждая спасательная миссия была такой непростой и почти всегда, несвоевременной, запоздалой. Да, она, конечно, понимала, что нельзя просто взять и вмешаться в привычный уклад, в ход событий, в человеческие жизни, даже если они оказывались под очевидной и реальной угрозой, но все же… “Надо быть более решительными, ведь не зря же вы набрали в Легион таких асов, а потом душите их всевозможными инструкциями и ограничениями. Надо действовать быстрее, оперативно прибывая к месту действия и спасать людей, а не выжидать, когда ситуация выйдет из-под контроля. Давайте хотя-бы исключим из списка голосующих по операциям Легиона тех, кто ни разу не голосовал и вообще, проявляет откровенное равнодушие к деятельности нашего войска.” – сказала она как-то Гуннару, Неприкасаемому, седому и приятному на вид крупному мужчине, который лично курировал деятельность Легиона. Она намекала, например, на их сестру Гранж, которая, обзаведясь телом зрелой красотки, больше напоминала сварливую старуху, вечно всем недовольную и брюзжащую. Особенно, когда ее отвлекали от различных медицинских и омолаживающих процедур, которые занимали почти всю ее жизнь и делали ее такой осмысленной. “Вот уж чей хранитель не остается без каждо-

дневной работы. И вряд ли он с такими хлопотами о ее толстой заднице, все время пытаясь ее уменьшить, проживет хотя бы сто лет” – зло думала Ангелла.

Также она была очень недовольна Великой Четверкой – группой Неприкасаемых, поодиночке серых и почти безликих, которые объединили свои усилия и капиталы, сконцентрировались на своем любимом занятии – зарабатывании денег. И их приумножении. И выказывали при этом почти полное равнодушие не только к деятельности Легиона, но и к судьбе их Семьи, давая понять, что их дела для них важнее общего благополучия. И они постоянно конфликтовали с Морганом, еще одним Неприкасаемым, который имел самые большие амбиции среди них, и пытался не раз тайно управлять их Семьей. В сущности, оставаясь вечным одиночкой, интриганом и плутом, который как никто другой умел распоряжаться энергией денег. И влиять на умы тех, кто этими деньгами распоряжается.

Ну а Каталина, ее сестра, была вечно занята своей страстью – коллекционированием, что отнимало все ее силы и энергию. "Черт, во что же мы превратились", – думала Ангелла, и понимала, что она, словно следуя их дурному примеру, и сама становилась все более апатичной и индифферентной к делам Семьи. К ее дальнейшей судьбе. Она все больше удалялась от своего клана и охотнее занималась поиском себя в этом мире. Все чаще находя себя среди людей, а не рядом с себе подобными. Чувствуя себя то ли фрилансером, то лидауншифтером, которому на пятки наступают мощные корпорации, созданные ее более хищными и агрессивными родственниками.

И ее все больше интересовала и беспокоила история их Семьи – кто они и откуда, и в чем заключается природа их силы и энергии. Но у нее было еще слишком мало информации, которая могла бы пролить свет на эти вопросы. Да и в истории копаться лишний раз не хотелось – в ней скрывались события, которые все пытались обходить стороной, замалчивать. События, в которых они сами раскрылись не с самой лучшей своей стороны. Несколько веков тому назад одна их сестра – Глория, была убита другим Неприкасаемым – Кадавром. Это была история про красавицу и чудовище, только с их собственным колоритом и сюжетом. И согласно этому сюжету, на основе своего негласного Кодекса, они поклялись отомстить Кадавру за то, что он оставил их без Музы, принеся в угоду своей жестокости и ярости еще одну жертву. И они убили его, собравшись с силами и духом. И после тех событий, они впервые и отдалились друг от друга, будто ушло из них вдохновение, и они забыли свою миссию, и стали такими прагматичными и алчными. Разобщенными. Словно частица Кадавра, убитого ими, попала в их сердца. Или в их энергетические ядра, питающие их тела энергией.

Но это были дела давно минувших дней, и ее все чаще тревожило положение дел Легиона. Когда она пришла к куратору их армии – Гуннару со своими предложениями и набросками реформ, он охотно согласился с ними, признав их дельными, но выразил мнение, смотря на нее своими честными глазами, что разобщённые Неприкасаемые вряд ли захотят сейчас что-то менять в Легионе. Он также напомнил, что каждая военная операция должна быть одобрена, согласно их Кодексу, как минимум шестью членами их Семьи, что и занимало порой столь большой период времени. Он бы и сам был рад внести изменения, но ему, не хватало то ли решимости, то ли энергии, и он предложил Ангелле вместе с ним лоббировать новые реформы, такие необходимые их Легиону. Они с ним какое-то время помыкались, побились лбами о стену непонимания и очевидного равнодушия и поняли, что пока не случится что-то страшное, что-то неумолимо непоправимое, Легион так и останется той слабой, почти номинальной организацией, которая, может быть, доживает свои последние дни. Она плюнула на всю эту ненужную суету, ругнулась, вложив в отборную брань весь свой темперамент, и продолжила свою одиночную миссию, надеясь, что то, что пока витало лишь в воздухе, случится наяву и Неприкасаемые вновь соберутся вместе, за одним столом. Доказав, по крайней мере, самим себе, что десять членов их Семьи еще не окончательно превратились в привидения.

Ангелла, по какой-то причине, стоя у почти черного, мрачного готического замка, вспомнила Асраила. Своего брата – Кладоискателя и вечного выдумщика, одержимого различными идеями и проектами. Он, как и она, с поправкой на ее литературно творчество, был среди всех Неприкасаемых, самым деятельным и беспокойным. Но в нем всегда была какая-то червоточинка, черта, которая отличала его от других. Он еще раньше разочаровался в Легионе и считал его игрушкой, потешным войском, которую старики, породили на свет одной забавы ради. “Бесплодные, с явной эриктильной дисфункцией, не могут родить чего-то стоящего, хищного и опасного”, – сказал он ей как-то и погрузился в свои размышления. Да, дорого бы она заплатила, чтобы узнать, о чем он думает и что опять замышляет, но, увы, в отличие от сознания простых людей, они не могли заглянуть в мысли своих родственников. Словно у них была защита, которую они так старательно сооружали вокруг себя, пытаясь отдалиться от подобных себе и думать исключительно о гадком и индивидуальном. Как мелкие собственники, а не сила, которая объединившись, могла творить великие дела. И это было очень печально, как понимала Ангелла, ведь для чего-то их создали в таком количестве. Не только ведь для этого, чтобы их портреты висели в зале, где они все-таки время от времени собирались, хитря, и обманывая друг друга.

Да и обычные люди, люди, венец создания, тоже не побуждали ее к чему-то возвышенному. Она даже перестала вторгаться в их мысли, многократно убедившись, что внутри почти каждого человека если не хаос, то черная и пугающая пустота. Которая подпитывается злобой, завистью или алчностью. Но она охотно прощала им это все, понимая, что они просто пытаются выжить – ведь ни один человек не может перестать сравнивать себя с другими, более успешными на их взгляд собратьями, или просто, более везучими. Как и сами Неприкасаемые, по очереди обзаводящиеся дорогой и элитной недвижимостью. А то и новыми островами, яхтами, частными самолетами и другой не нужной дребеденью и роскошью. Она давно махнула рукой на свою Семью, но люди все еще откровенно разочаровывали ее. “Да перестаньте вы сравнивать”, думала она про них. “Просто живите своей жизнью, радуйтесь каждому дню, каждому малому из своих достижений. Ведь у каждого, свой ответ перед судьбой и перед Создателем. Отхватив себе что-то лишнее, роскошное на ваш взгляд, вы очень просто повернете этот штурвал, и направите свой путь по совсем другому, более опасному и трагичному маршруту”, – думала Ангелла, смотря, как две девушки обсуждают свою подругу, которая приехала в ресторан на встречу с ними в новенькой машине. “Хоть бы дождались, пока она не скроется в комнате для дам”, думала она, смотря на этих кумушек иронично. “Ведь парень этой девушки требует от нее таких ответных интимных услуг, за подаренную машину, что вы бы умерли на ложе любви от таких необычных ласк”, – добавила она мысленно, присмотревшись к походке счастливой обладательнице нового Порше.

“Вы, в отличие от нас, можете без последствий для себя и ваших близких, выражать свою любовь, улыбаться, быть рядом, и просто касаться их, обнимать и гладить”, – думала она, глядя на людей, которые пытались, как члены ее Семьи, держаться подальше друг от друга. Да, Неприкасаемые неспроста назывались так, согласно их негласному Кодексу, они не имели права дотрагиваться до людей, ведь они были ходячим энергетическим оружием. Или лекарством, мощным медицинским препаратом, который мог, в зависимости от дозировки, покалечить или излечить. Продлить или укоротить жизнь. Да и своих родственников в их Семье не принято было трогать, даже близко подходить считалось признаком дурного тона. Они могли только своими прикосновениями поддерживать жизнь своих Хранителей, увеличивая ее продолжительность. И часть этой силы, этой энергии, Хранители передавали своим детям, начиная долгие династии, которые существовали параллельно с миром Неприкасаемых. Ее Мастер Вайда был редким долгожителем, его возраст перевалил за триста лет, и его пример, как и жизни других Хранителей, был лучшим показателем того, на что способны Неприкасаемые. Если хотели. Что касается ее собственного возраста, то она старалась просто не думать об этом,

такой неприлично древней казалось она самой себе. Ровесница пирамид и Колизея, а о более ранних событиях, очевидцем которых она была, и страшно было подумать. Женщина с опытом и точка, характеризовала она себя кратко. И всегда она, всегда наедине со своей личностью и характером, со своими мыслями и воспоминаниями, не переживая никаких перерождений и реинкарнаций, лишь примерно раз в сто лет, получая новое тело, которое выращивал или конструировал в своей капсуле ее Хранитель.

И вот она в Праге, среди людей, которых она стремилась понять и принять такими, какие они были. Она ходила по площадям, прошлась по нескольким мостам, всегда держась в стороне и избегая влиться в толпу или очередь, чтобы кого-нибудь случайно не задеть. И всюду ее хрупкая фигурка, ее невысокий рост и красота словно заставляли людей быть чуточку лучше и добрее, хотя бы на уровне поведения. “Мне бы еще роста”, – думала Ангелла, когда на нее налетал кто-то, не заметив ее среди людей, но она мгновенно реагировала и уклонялась, или встречала не в меру ретивых таким тяжелым взглядом и мгновенно возводила вокруг себя защитное поле, которое не могли преодолеть откровенные хамы и чересчур агрессивные люди. “Неа, не сегодня”, – говорила Ангелла и провожала взглядом очередного настырного мужчину, который уходил от нее с разбитым носом. Но такое случалось редко.

Она гораздо чаще улыбалась, показывала свою утонченную женственность, и миниатюрность, стараясь не демонстрировать, и не раскрывать свою истинную силу и способности. “Буду вам поднимать настроение на расстоянии. А может, и отрезвлю. Хотя нет…”, – думала она, наблюдая за парочкой туристов, которые выйдя из кафе, спугнули своим перегаром и громкими криками тонкую девушку с телефоном в руках. Она не любила хамов, и еле удержалась, чтобы не столкнуть их в воду освежиться.

Старая Прага ей, в целом,казалась спокойной и безопасной. Такой игрушечной и даже кукольной, что она пробродила по ней до вечера, а потом и до самой ночи по ее улочкам, и забрела в итоге в район с множеством арок и темных переулков. Она уже собралась двинуться к дому Хранителя, когда уловила в воздухе еле заметную угрозу, которая должна была обрушиться на то самое место, где она стояла. Вернее, появиться возле нее, угрожая кому-то из людей, и не просто мелкими травмами, а скоропостижной и трагической кончиной. Она подошла ближе к проезжей части и увидела несколько людей, которые переходили улицу по зебре. И тут она поняла – этой угрозой был автомобиль, который несся на всех парах, вернее, на всех трехстах лошадиных силах своего двигателя, неминуемо направляясь в сторону одного из пешеходов, который заметался на дорожке и зачем-то бросился назад, под самые его колеса. Ангелла сообразила, что целый день не зря старалась попридержать свои силы, возможно, как раз для такого случая. Уже плохо владея собой, как алкоголик, видящий перед собой запотевший стакан водки с огурчиком на блюдце, и понимая, что не в силах просто оставаться наблюдателем, она с убеждением, что не умеет копить, а научилась лишь тратить, в очередной раз вмешалась, расставаясь со своей энергией в энный раз. Она, чертыхнувшись, напрягла свое тело, вернее низ живота, словно практикуя невиданную дыхательную гимнастику и резко вдохнув, все так же животом, напрягая свой брюшной пресс, и резко выдохнула. Она направила свою энергию, сублимировав ее в подобие удара, который пришелся прямо в лоб автомобиля. Он вдруг остановился, столкнувшись с невидимой стеной, и ведомый непонятной силой, нехотя, поменял свое направление и резко взял правее, обогнув парня, но все же несильно задев его по касательной. После этого он проехал еще какое-то расстояние и угодил в фонарный столб, превратившись из ретивого и опасного скакуна в объезженного и старого, уставшего от жизни мерина.

Ангелла, как один из Атлантов, стараясь удержать земную твердь на своих хрупких с виду плечах всего секунду, сразу без сил опустилась на одно колено и усиленно задышала, понимая, что ее внутренняя энергия почти на нуле и теперь просто старалась не упасть. Да, она вмешалась, понимая, что делать этого не имеет права. Ее вычислят, ее поступок неминуемо

заметят другие Неприкасаемые, которые ревностно следили за ошибками и просчетами друг друга, и дружно, в отличие от работы Легиона, придумывая различные изощренные наказания и санкции. Они заметят это, по крайней мере, на примере усиленной работы капсулы ее Хранителя, по тому чрезмерному объему энергии, который потребуется ей для восстановления. А ведь все капсулы находятся под их контролем, черт их дери. Гадкие лицемеры. Ничего не делают сами, и требуют тоже от других. Она все еще чувствовала большую слабость во всем теле– это ее вмешательство потребовало от нее напряжения всех ее сил. Она слабо посмотрела по сторонам и к своему удивлению, встретилась глазами… Черт, это же Асраил, но что он тут делает??!!. Вдруг она заметила, как кто-то быстро, прямо как хищник, бросился в самую гущу событий, отделившись от стены, возле которой она и заметила своего брата. Пока Неприкасаемый удалялся в арку, отвернувшись от нее, уловив удивление и даже возмущение в ее глазах, этот человек стремительно и жестоко покарал безбашенного и пьяного, как ей показалось, водителя и его друга, опрокинув их на землю быстрыми и хорошо поставленными ударами, да еще и подкинув одного из них, как обычный куль с мукой, и так же стремительно покинул поле боя. Вернее, место предотвращенного ею дорожного инцидента. Или даже трагедии.

Она поднялась на ноги – этот обмен взглядами придал ей сил, и слегка пошатываясь, пошла к той арке, где исчез Асраил и тот хищник. Она пыталась понять, свидетелем чего она стала и не вызвал ли ее брат всю эту катавасию. Она дохромала до арки, но там уже никого не было, лишь в одной из коробок на дне стояли две непочатые бутылки пива. Она присела на ящик и как-то бездумно потянулась к бутылке, открыв ее, правда не с первого раза. Еще холодное и вкусное пиво слегка оживило ее, и она, словно захмелевшая и покинутая жена, которую бросил непутевый, но харизматичный муж, пользующийся популярностью у женщин, пыталась понять, почему это произошло. Она задумчиво что-то шептала, хмуро поглядывая на людей, которые застали ее в таком подозрительном месте, и принимали ее за бродяжку, любительницу выпить. “Ну и ладно, черт с вами”, – думала Ангелла, недовольно косясь на прохожих своими большими голубыми глазами. А люди проходили по арке и с улыбкой смотрели, как эта красивая, миниатюрная блондинка лет тридцати, в простом белом платье, с явным удовольствием смакует пиво.

– Что ты задумал, Асраил. И кто же с тобой, кто? Кого ты втянул в свои игры? – Как ей казалось, сопровождающий ее брата очень походила очень хорошо подготовленного и беспощадного бойца. Насколько она знала, Асраил крутился возле Легиона иногда, присматриваясь к легионерам для своих очередных авантюр. “Неужели он затянул кого-то из Легиона в свои махинации”, – думала она. Но, Легион, насколько ей было известно, не проводит никаких операций в Праге сейчас. Она думала и о том, что остатков энергии еще должно хватить до дома Хранителя, и возможно, на поиск следов этой парочки, которая уже растворилась в воздухе, оставив ее с кучей вопросов и двумя бутылками пива. Не допив бутылку, она положила ее обратно в коробку, приподнялась и довольно уверенно пошла по их, видимых только ей следам, негромко ругая Асраила, за очередную выходку, на которую он решился, подобно ей самой, без дозволения Неприкасаемых.

Глава 6.
Дуэль меж двух фонарей.

Ангелла побродила еще немного по городу, и, дойдя до очередного отеля, остановилась, осматривая его, и прикидывая, мог ли Асраил и его спутник остановиться в нем. “Тут тысяча отелей и гостиниц”, – думала она, “И найти здесь кого-то так же просто, как найти в любом городе абсолютно счастливого человека. И при этом не пьяного и не пребывающего под воздействием запрещенных препаратов”. Она решила, что продолжит поиски завтра, а пока, чувствуя слабость, зашла в отель и попросила вызвать такси, улыбнувшись почти мило парню на ресепшене, который очень быстро и исполнил ее просьбу. И теперь она ехала в тот квартал, где

жил Мастер Вайда. Она вышла, рассчиталась с водителем крупной купюрой, и, отказавшись от сдачи, вновь зашагала пешком, сопровождаемая недоуменным взглядом таксиста, который удивлялся, что такая куколка забыла в этом сомнительном районе.

Теперь оно шла по удивительной, старинной улочке, которая вливалась в целый квартал, чудом уцелевший со времен позднего средневековья, при этом сохранив свой первозданный, хотя и сильно потрепанный, слегка пугающий и не очень привлекательный антураж.Со всеми запахами и слегка жутковатой атмосферой. Его обитатели, с приближением полуночи, выползали наружу, из своих покосившихся домиков, с разбитыми и заколоченными окнами, и каких-то подозрительных строений, напоминающие замки обнищавших рыцарей и прочей аристократии, и потомки этих, канувших в лету персонажей, теперь мелкими группами наводняли арки, подворотни и небольшие уличные кафе. И даже не кафе, а просто темные и плохо пахнущие питейные заведения, перед окнами и дверью которых стояли, прямо на улице с выщербленным камнем, хромые и покосившиеся предметы нехитрой мебели – столы и стулья. По краям улочки светили тускло старинные, казалось, еще газовые фонари, и Ангелла подойдя к одному из них, увидела, что внутри стоит сильно обгоревшая и оплывшая свеча.

Среди обитателей ночного квартала попадались очень колоритные фигуры, они чем-то напоминали только что проснувшихся филинов или барсуков, чувствующих, что скоро пробьет час охоты, и они смогут после дневной спячки, наконец, утолить свой голод. Но пока они тянули пиво, или просто курили, негромко делясь своими планами на ночь. Некоторые из них были похожи на матросов с затонувшего корабля, одна парочка сидела в рясах, покрытых жирными пятнами, а несколько верзил напоминали вечных студентов, которые проучившись в своей альма-матер лет двадцать, так и не смогли подняться выше первой ступени и теперь пребывали в вечном академическом, или этиловом отпуске.

“Да, Мастер Вайда и не смог бы жить в другом месте, уж очень это похоже на эпоху, когда жили и творили такие мастера, как он, то ли колдуны, то ли алхимики. Мрачная эпоха, или ее тень”, – думала Ангелла. Она слегка выбилась из сил и присела у одной таверны, которую заполняли более или менее приличные посетители. Она села снаружи на небольшую приступочку, и молодец с красным лицом, уже выходил из заведения, вынося из него большую бочку, и поставил ее перед ней, бухнув ее на булыжники, которыми была выложена улица. Он зашел внутрь, а из той же двери, в которой он гордо исчез, показалась парочка пузатых, с красными носами мужчин с глиняными кружками и табуретами в руках. Покуривая свои длинные трубки, они расселись вокруг бочки, поместив Ангеллу в центр композиции, и задумчиво уставились на нее, отпивая из своих кружек время от времени. Она сделала недоступное лицо и погрузилась в себя. Неожиданно один из них запел удивительно красивым голосом, и она слегка вздрогнула, словно не ожидала такого от своих случайных, и слегка неприличных на вид соседей.

Да, именно это умение – пробуждать в людях прекрасное, высокое, что-то близкое к божественному, она всегда ценила. Именно это сближает простых смертных и тех, кто каким-то образом влияет на их судьбы. Говорит об их родстве. Искусство, особенно музыка, слушая которую, она забывала о несовершенстве мира. Находила новые темы и мысли, черпала вдохновение. И она нашла это в Вайде, ее Хранителе, в тогда еще молодом человеке, который гениально, как казалось ей, играл на своей простенькой скрипке на улицах Варшавы. Это случилось примерно триста лет тому назад, а она помнила это довольно ясно, поместив этот образ очень близко к своему сердцу. Да, она ценила людей с талантами, и ее Мастер именно этим привлек ее внимание. Она поняла, что он способен на многое, и взяла над ним опеку, планируя сделать его своим новым Хранителем.

Она поддерживала его, снабжала рецептами и вдохновением, и он словно расцвел в своей лаборатории, которую она также помогла ему открыть. “Как женщина в возрасте открывает стоматологический кабинет для молодого любовника дантиста”, подумала она и оскалила зубы,

словно готовясь к визиту к своему стоматологу, и мысленно осматривая возможные потери среди своего зубного состава. Ее соседи задвигались нервно, явно испугавшись ее оскала, и один из них сказал ей довольно твердым голосом.

– Ого, какой темперамент… Есть много пива и сухариков. Пойдешь к нам? Мы живем тут рядышком, за углом…

Другой неожиданно встрепенулся и осмотрел недовольно своего приятеля, и умудрился даже пнуть его, достав удлинившейся самым удивительным образом ногой.

– Как пива? Ты же говорил, что мы все выпили еще третьего дня!

Ангелла даже не удостоила их ответом и только шикнула на них, продолжая думать о том, почему ее Хранитель живет здесь, а не в какой-нибудь более респектабельной обстановке. Все дело в деньгах, как всегда в деньгах. Другие Неприкасаемые, словно презрев другие виды энергии, предпочитали направлять свою энергию в сторону денег, умело их привлекая. А ведь это тренд, думала Ангелла, опасный тренд, и они, став такими алчными, уже не отдают свою энергию, а предпочитают получать ее извне. Тратя ее лишь на увеличение числа своих активов и размеров своих капиталов. Обитая как перекормленные медведи, вокруг кухонь горных отелей, они стремились быть поближе к финансовым структурам, входя в число их акционеров и учредителей, ворочая миллиардами и играя роль тайных правителей мира.

Она усмехнулась, думая о своей финансовой ситуации. Она всегда умела держаться на плаву, но никогда не делала из денег предмета культа. Она, пользуясь своим жизненным опытом и тем, что засвидетельствовала лично столько эпох и разных исторических событий, писала книги. Всегда под псевдонимом и получая солидные гонорары. Она писала исторические романы, которые порой противоречили официально признанным событиям, но были так доходчиво и трогательно изложены, всегда с такой волнующей любовной историей, что их читали взахлеб, и с припасенной слезой. В романах она подсознательно, как понимала она сама, описывала свою тоску и невозможность быть счастливо влюбленной. Но, она по какой-то причине, не любила хэппи-энды и почти всегда ее влюбленные погибали, лишаясь жизни в чрезвычайно напряженных, драматических событиях и перипетиях.

– И этих вы грохнули, – говорил ей ее издатель, смотря на нее укоризненно. – О, Мадонна, ну давайте уже хотя бы в целях эксперимента оставим кого-нибудь в живых. Отойдите от своей привычной схемы, дорогая Ангелла, – он заламывал руки и чуть ли не падал перед этой богиней на колени. Она соглашалась иногда, словно понимала, что повторяться – это большой грех и выслушивала очередное признание издателя, который объявлял ее духовной наследницей одной писательницы, которая писала пару сотен лет тому назад, примерно с таким же трагизмом и размахом.

– Вы, как она! Только лучше! Талантливее! – кричал он ей со страстью и смотрел на нее плотоядным взглядом.

Она выходила из его офиса, уже зная, какие признания вырвутся из него в следующую секунду и думала, что этому дураку и не понять, что она не духовная, а прямая наследница той писательницы, которой она и была, правда, пребывая в другом теле, но с примерно тем же душевным настроем. Или разладом.

Но музыка всегда была рядом с ней, наряду с ее книгами. Она вспомнила тот подарок, который она преподнесла своему Хранителю – скрипку руки мастера Амати, на которую довольно долго копила. Заполучить ее ей помогла Каталина, яркая и шумная Неприкасаемая, настоящая испанка, с неистребимой харизмой и энергией. Она, пользуясь своими многочисленными знакомствами среди аукционистов, как и своим влиянием среди богемы и коллекционеров, вложив часть своих денег, достала искомое. Она прислала важных курьеров, которые, понимая важность своей миссии, вручили, вернее, внесли в ее небольшой, но уютный домик, расположенный в пригороде Рима, увесистый ящик. Открыв который, она и обнаружила, в кожаном футляре и под шелковой накидкой, ту самую скрипку. С запиской, которая гласила,

что “Каталина была рада оказать своей сестре, прекрасной Ангелле, эту маленькую услугу”. Скрипку, на которой теперь Мастер играет иногда, или вернее, служит проводником между ней и людьми. Извлекая из нее божественные звуки и мелодии, которые помогают ему понять и прочувствовать свой очередной замысел. Свое новое открытие. И записывая некоторые, самые удачные на его взгляд и слух отрывки, например, из Вивальди, и присылая ей записи, отпечатанные на виниле, что доставляло ей огромное удовольствие. И приходило понимание того, что со своим Хранителем она не ошиблась. Ведь Вайда, помимо музыки, одаривал ее раз в сто лет, прекрасным телом, словно родив его внутри себя, продумав каждую часть, поработав тщательно над каждой линией и отточив каждый изгиб и линию. “Тела подобные той самой скрипке”, – думала Ангелла. Вайда, создавал очередной шедевр, который окрылял ее и также заставлял искать что-то такое же прекрасное внутри себя. Например, новую книгу, которую она, словно по шаблону, писала интересно, но весьма трагично. И этот шедевр Вайды, это тело, которое первые десять лет порождало вокруг Ангеллы, в моменты ее появления среди людей, настоящий ажиотаж и, вдохновляло художников и прочих творцов на свои самые смелые и гениальные произведения. “Порой даже на откровенную порнографию”, – подумала Ангелла, вспоминая самые неудачные на ее взгляд воплощения ее тела, на холсте или кинопленке. “Наша мини богиня”, как характеризовала ее Гранж, и смотрела почти с умилением на свою миниатюрную сестру сверху вниз, но взгляд Ангеллы расставлял всех по местам, и другие Неприкасаемые старались стать незаметнее, если их сестра злилась или была в плохом настроении.

“Но я всегда умудряюсь придать своим вещам самый нетоварный и потасканный вид, что уж говорить про тело, которое я вечно подвергаю испытаниям”, – думала Ангелла, вспоминая, сколько ее оболочек было преждевременно, и даже трагично уничтожено. А что уж говорить про обычных смертных, которые живут так, словно их тело может продержаться без серьезных повреждений целый век. Она удивлялась отчаянности и смелости людей, которые будучи такими хрупкими, решались на настоящие подвиги, порой бессмысленные, но такие вдохновляющие, словно бросая им, Неприкасаемым немой вызов – а вы сможете жить, как мы? Так же смело и дерзко, понимая, что мы скоро умрем, но в то же время, осознавая, что есть вещи и идеи, ради которых мы сделаем это с радостью. “Например, ради любви. Или ради новых ощущений. Да хотя бы просто по пьяному делу”, – думала Ангелла и завидовала их храбрости, и словно уставая от своей вечной, но в целом, не очень радостной жизни. Без конечной цели. Без любви. И понимала, что Неприкасаемые давно лишились этой черты – быть способными принести себя в жертву. Хотя бы свою энергию…

В этот момент ей стало немного зябко и скучно, и она гордо подняв голову, покинула свою временную ставку и удалилась от своей случайной свиты, направляясь к дому своего Хранителя, который находился буквально за углом. Она повернула за него и обнаружила себя на откровенно мрачной улочке. На ней стоял уличный фонарь, слабо освещающий пространство вокруг себя, и чуть вдалеке, другой фонарь, который словно устав от неблагодарной работы, погас, погрузившись в некую алкогольную дрему, и теперь вспоминал должно быть, лучшие и более яркие времена. Ангелла приблизилась к массивной деревянной двери, обитой гвоздями с толстыми шляпками, и уверенно постучала в нее своим кулачком, посматривая по сторонам, понимая, что терять бдительность в таком темном и довольно опасном месте не стоит.

Дверь казалось, была бутафорской, потому что она так и не смогла дождаться какой-то ответной реакции. Вдруг фонарь, который не светил, словно протрезвев, зажегся ярким светом и осветил всю улочку и Ангеллу, которая устав стучать, отошла от двери и прислонилась к стене, изящно согнув одну ногу в колене. Откуда из темноты неслышно вышла женщина лет тридцати, а может и старше – свет фонаря словно смягчал и слегка украшал действительность, пропуская ее через некий фильтр с винтажным оттенком.

Она была высокая и мощная, очень подвижная, с выступающей округлой частью ниже спины и довольно крупными, но приятными чертами лица, короткими черными волосами и

зелеными глазами. Ее можно было бы назвать симпатичной, но она откровенно зло улыбалась, и ее глаза хищно сфокусировались на Ангелле. На ней были надеты высокие военные ботинки с рифлёной подошвой и со шнуровкой, а полноватые ноги украшали тактические штаны с накладными карманами. Сверху весь ансамбль дополняло веселенькое платье, довольно короткое и с достаточно глубоким декольте, которое почти не скрывало ее большой, аппетитной груди, и слегка топорщась на ее широких плечах. Она, узрев Ангеллу, развела руками, и громко рассмеялась, и в смехе ее слышалась какая-то непонятная зависть.

– И что, красотка, сколько стоят твои услуги. В кронах возьмешь? – спросила она Ангеллу, обращаясь к ней громким голосом, напоминающим сирену спасателей. Неприкасаемая негромко выругалась и показала ей средний палец.

– Мальчики, она возьмет любой валютой! – прогремела фанатка милитари на всю улицу, обращаясь к каким-то невидимым ее обитателям, которые зашевелились где-то вдалеке, и зашуршали, приближаясь к внезапно начинающейся уличной сценке.

– Это уже явный перебор, – тихо произнесла Ангелла и, оторвавшись от стены, сделала ей шаг навстречу, принимая этот вызов, и повела плечами, слегка приподняв их, словно разминаясь и готовясь к предстоящей потасовке с верзилой, которая сомкнув свои густые брови, приближалась к ней. Несмотря на то, что она чувствовала себя разряженной батарейкой размера А3, она никому не позволит так обращаться с собой, особенно этой горлопанке. Вдруг, какая-то мысль закралась ей в голову, и она слегка отступила, но ее противница не дала этой мысли развиться – она опять перешла к активным вербальным действиям.

– Стоишь тут вся такая красивая и стройная. Миниатюрная… Аж противно! – продолжала ночная гостья комментировать внешность и поведение Ангеллы, будто фанатичный поклонник кинозвезды, уставший от игнорирования своих признаний в любви и решивший отомстить ей при случайно произошедшей встрече. Она повернулась головой к паре подозрительных личностей, появившихся из темноты, и словно призывала их в свидетели этой оскорбительной, на ее взгляд, внешности Ангеллы.

Она неожиданно развернулась и, нависнув над Ангеллой, ударила ее раскрывшейся телескопической дубинкой, которая неожиданно материализовалась в ее руке. Ангелла не успела среагировать на ее стремительный удар слева и отлетела с криком в сторону, со всего маха врезавшись в слабо светящий фонарь на длинной металлической стойке. Она, слегка согнув его, упала ничком на землю, словно была энтомологом, и узрела на земле интересный экземпляр, досель не известный науке. Тут же раздались одобрительные крики и свист – зрители оценили этот трюк и с нетерпением ждали продолжения этого неожиданно начавшегося поединка.

– Ничего девчонки дают, прямо огонь! Давай, блондиночка, зажги!!! – нашелся даже один болельщик Ангеллы, который приволок с собой из темноты ящик пива, и теперь взявшись за одну бутылку, громко предвкушал вечер изумительных ударов и прочих приемов.

Ангелла словно не желая разочаровать его, на удивление быстро поднялась и стремительным броском наскочила на свою соперницу, которая ухмыляясь, шла к ней, поигрывая дубинкой и протягивая к ней левую руку. Явно намереваясь протащить Ангеллу по всей улице за ее светлые и роскошные волосы. Она, вложив все оставшиеся силы, которые трудно было ожидать от такого хрупкого на вид существа, выгнувшись почти в одну линию, провела мощнейший прямой удар ногой, от чего другая участница неожиданно вспыхнувшей в ночи дуэли сложилась пополам и отлетела большим и грузным воланом к другому фонарю. Врезавшись своей полной спиной в его основание. Фонарь согнулся под ее тяжестью и навис над ней, сразу погаснув, удивляясь тому, кто и с какой целью его вообще зажигал сегодня. Зрители аплодировали в этот раз гораздо живее, словно все они на самом деле терпеть не могли эту злобную и сварливую особу, которая сама же и нарвалась на такое яростное сопротивление, разозлив такое кроткое с виду существо, как Ангелла.

В этот момент деревянная дверь широко раскрылась, и из нее показался удивленный и слегка сонный человечек, с короткой седой бородой и в круглых очках. Все звуки сразу стихли и появившиеся из темноты в нее же и поспешно удалились. Он поверх очков быстро и строго осмотрел поле боя и покачал головой, что-то бормоча себе под нос. Потом он, низко кланяясь Ангелле и качая своей головой, приложил руки к груди, словно извиняясь, и Ангелла вошла в дом своего Хранителя, который тихо и горячо шептал.

– Ой, что будет, ой что будет… Дорогая моя, я так рад тебя видеть… Спасибо, что навестила меня… Заходи в мою скромную келью, порадуй уже своего старого Хранителя…

Ангелла улыбнулась ему, словно увидела самое приятное лицо за последние сто лет. Она положила свою ручку ему на плечо, а он, едва коснувшись ее губами, обозначил благодарный поцелуй и, проводив свою Неприкасаемую внутрь, быстро выскочил наружу, не больно шлепнув толстушку сначала по одной щеке, а затем по другой. Она очнулась и смотрела на него довольно мутными глазами.

– Власта, дочка, ты что, хочешь-таки, чтобы твой папа умер раньше срока? Твой бедный папа и так имеет полный комплект забот, от которых он поседел раньше времени. А мне ведь только триста с небольшим лет… Мне что, еще присматривать за тобой, такой взрослой девочкой с такой непомерно тяжелой, хотя и видной конституцией? Когда ты начнешь жалеть своего бедного папу, когда?

Потом он принюхался к ее дыханию, и поднял ее одной рукой, неожиданно легко и бодро, слегка приближая ее к себе, и словно выясняя отношения с зарвавшимся соседом алкоголиком, зашипел на нее.

– Ты что, опять пила спирт после пива??!! Ты же знаешь, что в нашей семье только твой папа умеет правильно смешивать жидкости… Еще скажи спасибо, что тебя не покалечили, любительница помахать руками. Эх, как мне теперь смотреть в глаза Ангеллы…, – добавил он уже с явным укором самому себе.

Он подобрал дубинку, все так же удерживая габаритную дочку одной рукой, и, убрав оружие под свою накидку, поволок Власту к двери, а затем быстро толкнул ее вперед, внутрь дома, где она и стремительно исчезла. Оказавшись один в проеме двери, он быстро огляделся по сторонам и опять покачал головой, увидев накренившиеся фонари.

Потом дверь захлопнулась, и он быстро последовал в большую комнату, в которую уже добралась, слегка хромая Власта, и сидела в некотором отдалении Ангелла, осматриваясь по сторонам. Комната освещалась светом двух канделябров, в которых уже догорали две свечи, а догорев, начали свой цикл заново, вырастая и зажигаясь благодаря неведомой силе. У одной стены стоял огромный глобус, на котором автоматически отображалось положение Ангеллы – где бы она не находилась, Вайда знал и был готов принять ее или как-то постараться помочь ей. Если она уж слишком долго задержится на одном месте. Это было его собственной идеей, и Мастер изготовил этот чуткий навигатор, который был настроен на ту энергию, которую она выделяла. Теперь же изящная металлическая стрелка, свисая и обвивая эту сферу, укрепленная на тонкой ножке, показывала прямо на Прагу. Помимо глобуса в комнате был скромный набор мебели и прочих предметов – старинный стол на гнутых ножках и нескольких стульев с высокими спинками, и еще на полу лежали какие-то секиры, булавы и различные кобуры и патронташи. У другой стены стоял стеллаж, на нескольких полках которого Ангелла с удивлением узрела обложки своих собственных книг. На самой верхней полке стопкой лежали каталоги оружия.

– Асраил в Праге, – сказала Ангелла каким-то бесцветным голосом, посматривая на сталь у своих ног, и Вайда покачал головой, будто ему сообщили, что в город завезли новый вид тараканов, которых не выведешь никакой химией. Она не хотела поминать произошедшее у двери Хранителя, понимая, что ситуация, мягко говоря, деликатная.

– Ай, что-то будет, что-то будет…

Потом помолчал и кивнул своей головой в сторону своей дочери, которая уже мирно похрапывала на стуле.

– Ангелла, позволь тебе представить… Власта. Моя дочь и солдат Легиона…

Глава 7.

Родственный визит.

Закария, слегка помявшись у входа в свой отель, все же вошел в него и добравшись до своего номера и приняв душ, упал на кровать и быстро, по-солдатски, погрузился в глубокий и тяжелый сон. Асраил же тем временем стремительно приближался к одному частному аэропорту вблизи Праги, на машине, которую вел ловкий и немногословный водитель. Чуть раньше, Асраил переоделся прямо у открытой пассажирской дверцы автомобиля, на какой-то темной стоянке, приняв из рук своего ассистента чехол с костюмом на вешалке. Закончив, он, подмигнув водителю, который с довольным видом уже садился за руль представительского седана. Правда, не самой роскошной марки и не самый дорогой – Неприкасаемый мало внимания уделял статусу и избегал откровенной роскоши, которую считал уделом таких личностей, как Морган.

Облачившись в весьма изящный, почти дизайнерский френч с погонами, и довольно узкие, но удобные брюки, он сложил аккуратно свои прежние вещи в тот же кофр, и теперь напоминал модного CEO или крупного бизнесмена, который все так же не расставался со своим планшетом. И в салоне своего автомобиля постоянно получая и анализируя важную для себя информацию. Поправив прическу, он теперь набирал на клавиатуре свои заметки о Закарии, смотря на экран слегка ироничным взглядом.

“Закария сильно изменился с тех пор, как я нашел его в канадской глуши и устроил в один из тренировочных лагерей Легиона. Именно там он и доказал то, что я разглядел в нем с самого начала нашего знакомства – он настоящий боец. Его с радостью взяли в Легион, он достойно прошел все тесты и испытания, и принял участие во многих операциях, доказав свою храбрость и даже дерзость. А затем его выгнали, посчитав излишне жестоким. Согласившись работать на меня, он стал моим рыцарем, а я его королем”

Асраил улыбнулся, перестав набирать текст – уж очень это напоминало начало биографии какого-то сумасшедшего – боец, Легион, рыцарь, король… Он покачал головой и решил ничего не исправлять, ибо времени у него было не так много, и продолжил.

“Закария все с большей неохотой выполняет мои задания, словно чувствуя, что они приобретают все более страшный характер и окраску. И мне нравится наблюдать за его сомнениями, и метаниями, словно я сам, с помощью этого смертного лучше узнаю себя. Представителя расы, которую можно смело назвать исключительной.

Парадокс. Мой ассистент все пытается понять свое предназначение или вспомнить что-то важное, что он потерял, и это логично – с моей помощью он обретает новую миссию. Новый смысл и воспоминания. Заполнив эту пустоту. Ведь это только животные понимают смысл своей жизни с момента своего рождения, собака будет лаять, и охранять свою территорию, а коты гулять и гадить, где им вздумается. Поэтому я и учу его, и даже манипулирую им, хотя делать это достаточно трудно, он достаточно умен и осторожен. И справедлив, как и милосерден. Конечно, мне было бы легче работать с отъявленным злодеем, но это было бы так скучно и предсказуемо. Закария имеет потенциал, как для почти мученика, так и для настоящего убийцы, и мне интересно наблюдать, как в нем просыпается то что-то светлое, так и проглядывает что-то очень темное.

Он пытается нащупать баланс и гармонию во всем, понимая в то же время, что Земля – это место обитания и арена для самых жестоких и хищных. Которые, неминуемо становятся успешными. А не песочница для слабых и блаженных. Закария порой пытается поменять в этом мире что-то, восстановить справедливость, но эта задача ему не по силам. Он рассматри-

вает самую жизнь как чей-то эксперимент и великий замысел, в котором, на первый взгляд не хватает чего-то, то ли логики, то ли справедливости и порядка. А может, им просто не хватает времени и сил, ведь век человека так краток. Зато коррупции и зла в этом мире хоть отбавляй (надо бы продолжить и развить эту мысль…).

Закария – исследователь, с большим фокусом на своем внутреннем мире, и чем-то напоминает меня самого. Я тоже люблю наблюдать и играть роль то ли создателя, то ли палача. К нему как-то пришла мысль, не озвученная правда, что мы не сможем справиться со всем злом на этой планете, и он, конечно, прав, ведь зло не чинят инопланетяне, его творят сами люди, опускаясь и падая все ниже – порой до откровенных злодеяний, отвергая свое предназначение – любить и помогать ближним. Или просто не причинять зла другим. Потому что зло – универсально, оно давно, как более модный гаджет, задвинуло устаревшее добро на задворки сознания и всего сущего. Люди вряд ли сами справятся со злом, как и с другими видами энергии, которую они не понимают до конца, и по этой причине я думаю, Неприкасаемые должны играть в их судьбах более значимую, хотя и незаметную с виду роль, осуществляя над ними своего рода контроль.

Зло само по себе вид энергии, которая таится в каждом. (А энергия – это наше все. По крайней мере, так мне постоянно твердит Морган). И это зло подталкивает к определенным действиям. Ведь зло – не частный случай, это не какой-то наркокартель, бандиты которого терроризируют местных жителей, чаще всего это сами люди, обычные и скучные в повседневной жизни. Но, и более статусные и значимые личности. И пока есть такие злодеи различных уровней, как и обычные, оступившиеся люди, моя миссия будет казаться бесконечной. Надеюсь, другие Неприкасаемые оценят мои усилия как стартовую площадку для других инициатив. Ведь такие люди, как Закария, могут оказаться полезны всем нам. Хотя и не сразу – нужна яркая презентация, и помощь. Например, Моргана и ВЧ.

Да, я начал этот, свой эксперимент, понимая, что общими усилиями Легионом трудно управлять и с тех пор, как Ангелла перестала поддерживать его деятельность, он превратился в откровенно слабую, типичную частную охранную контору. И кому-то стоило очень больших усилий отучить со временем Неприкасаемых переживать за успешность деятельности Легиона. Ведь что-то же было светлое и доброе во всех нас, сострадание и умение чувствовать боль людей, но мы, все больше проживая здесь, на этой планете, все больше менялись и сами. И как показывает время, наш вечный союзник, не в лучшую сторону. А я задумал, передавая часть своей энергии и замыслов обычному смертному, Закарии, взращивать отдельного, частного легионера, который является не просто солдатом, но и моим компаньоном, или вернее пажом.

Чтобы он выполнял ту роль, которая раньше была закреплена за нашими Хранители – но я слегка устал от традиций, и теперь, когда люди откровенно измельчали, я вряд ли смогу найти нового Тигеля. И предпочитаю держать рядом с собой людей, которые выполняют мои приказы. Как военные врачи, полевые медики и хирурги. Но Закария мне интересен, он своими талантами, пока не раскрытыми и на 50%, чем-то напоминает мне моих прежних, старых Хранителей. Благо он, будет бродить со мной по этой планете так долго, сколько сможет его подпитывать моя энергия. А я буду получать его энергию, или просто осмысливая его эмоции и реакции каждый раз, когда он страдает или находит в себе силы противостоять и мне, и этому, довольно жестокому миру. В котором уютно пока только нашей Семье. Вернее, отдельным ее представителям. Как и некоторым элитным группам смертных.

Закария в своем лице напоминает мне весь род людской, со своими сомнениями, грехами, слабостью и силой, и своей светлой, в целом душой, задавая мне такие вопросы, ответить на которые я порой не в состоянии. И подвергая сомнениям мои приказы. Я ведь, несмотря на то, что он думает обо мне, не ангел мести, или демон, я Неприкасаемый, его господин и своего рода вечный авантюрист, правда, достаточно выдающийся. Что подтверждают эпохи, которые я пережил и люди, которых я изменил. Оставаясь все тем же. Надеюсь, что мой про-

ект будет в целом удачном, ведь нам, Неприкасаемым, нужны, новые лица в нашем окружении, в нашей инфраструктуре. Помимо покорных Хранителей и слабого Легиона, этого набора простых исполнителей наших приказов, нам нужны те, кого мы будем воспринимать, как свое отражение, что поможет нам, Неприкасаемым, в какой-то степени, эволюционировать. А не просто влачить свое вечное существование, пытаясь сберечь свою энергию.

Ведь такие Легионеры смогут всегда, и очень оперативно выполнять наши приказы, служа проводниками в мир людей, а иногда и наказывая тех, кто чем-то провинился либо перед нами, Неприкасаемыми, либо перед своими собратьями – людьми. И важно понять пределы прочности, которыми будут обладать такие индивидуальные легионеры, чтобы, оставаясь людьми, а не палачами, они делали наше существование более насыщенным, а нашу позицию в этом мире более проактивной. Гуманность – вот еще одна вещь, которую надо пересмотреть. Сделав ее более практичной.

И пусть я жесток к людям, пусть я беру на себя эту роль мстителя, это ведь путь проб и ошибок, и возможно, среди таких мятежных душ, мы будем находить и тщательно отбирать своих индивидуальных легионеров. Главное сейчас – это отработать процедуру, и я надеюсь, что Закария справится со всеми тестами, и не погибнет раньше времени, что нарушило бы относительно плавный и успешный ход моей игры…”.

Он с облегчением отвлекся от своих записей, понимая, что слегка запутался, и как в природе человека, так и в источниках зла, а также в своих замыслах, которые пока носили чисто проектный характер. Он подумал, что надо будет еще приложить немало сил, чтобы довести до логичного финала весь проект, как и пролоббировать эту инициативу и поэтому ему приходится общаться с Морганом, самым большим отшельником из числа Неприкасаемых, который, несмотря на свою обидчивость и часто пустующее кресло на встречах своих собратьев, обладал реальной силой. Будучи при этом, самым темным из них и всегда занятым исключительно своими масштабными проектами в мире людей. Часто, лишь Асраил мог по достоинству оценить их тайный смысл, в то же время, относясь к Моргану с некоторой опаской и часто, брезгливостью. Он был авантюристом, но более грубым, не таким изящным, как Асраил, и более жестоким к тем, кто его окружал. Более эгоистичным и не благодарным. Асраил увлекался, полагался на чувства, и не думая о выгоде, найдя очередной клад, почти неохотно, почти все свои средства вкладывал в самый важный для себя проект, а Морган был стяжателем. Откровенным материалистом, прежде всего думающим о своей выгоде и прибыли, ища их в каждой инициативе Неприкасаемых. И если не находил ее, то отказывался от участия в совместной работе.

Когда они, очень давно, учредили Легион, Морган сказал, что будет поддерживать эту идею, если эта структура будет помимо своих спасательных операций время от времени работать и на него. Вернее, на его партнеров, устраняя их конкурентов. Ему объяснили, что он слегка зарвался, и он в очередной раз, гордо удалился. Вернее, не показался. На следующей встрече Неприкасаемых. Но его дожали общими усилиями, и он влил часть своих средств, и нашел нужных людей, в том числе военных экспертов и лоббистов, которые помогли Легиону, и даже принимали участие в его первых операциях. А Асраил запомнил это его требование, его идею с личной выгодой, и теперь пытался воплотить свою собственную миссию.

Морган казался Асраилу то великим, то жалким, но он всегда оказывал на ум и поведение Асраила определенное влияние, как старший брат, который из гордости, очень уязвленной гордости и тщеславия, редко с кем общался, выбирая лишь Асраила. В котором, он наметанным глазом определил такую же, как у него, довольно испорченную и темную сущность. Но он был полезен Асраилу, хотя бы тем, что только ему он мог озвучить свой проект Легионера, и возможно, получить его поддержку. Что он и сделал какое-то время назад и теперь летел в его обитель, чтобы получить фидбэк. А заодно и отчитаться в некоторых своих действиях,

проделать которые его попросил сам Морган, во время их последней встречи в Нью-Йорке, пару месяцев назад.

Он понял, что они достигли аэропорта, и заехали внутрь, миновав ворота с охраной, и теперь приближались к вертолету, который выглядел как хищная птица, способная развить в полете немыслимую скорость. Асраил что-то прокричал водителю, запрыгнул в вытянутый по горизонтали вертолет, и этот ястреб с мощным клювом, быстро раскрутив свои лопасти, уже поднимал его вверх, стремительно, с подозрительно небывалой скоростью, больше подходящей для боевого истребителя, и уносил его к побережью Великобритании.

Там, на небольшом острове, высоко поднимающемся из моря, о скалистые берега которого с ревом разбивались яростные волны, в своем замке, который снаружи маскировался под обычную, правда огромную и темную, неприступную скалу, его и поджидал Морган. “Он опять будет косить под кого-то важного и статусного, ведь лет сто назад он уже пытался изображать главу мощной финансовой империи, представляясь человеком с такой фамилией. Возможно, его родственника. Слегка простоватого на вид, правда. Но такого же искусного и умелого финансиста. Правда, гораздо более жестокого. Чем же он удивит в этот раз?” – думал Асраил, наблюдая из иллюминатора вертолета, который завис над островом под порывами ветра и ждал, пока одна из скал не раскроется, и не разделится на две половинки, образовав нечто вроде площадки для приземления. Вертолет опустился туда, своды скалы опять закрылись и Асраил понял, что они оказались в своего рода, ангаре. К вертолету подъехал шаттл бас, Асраил быстро перебрался в него и спустя какое-то время, не видя водителя – очевидно за управление транспортом отвечала программа, он оказался в коридоре, ведущим к двери, перед которой стоял седой дворецкий. Выйдя из фургончика, Асраил нахмурившись, увидел, что этот пожилой смертный протягивает ему кофр с каким-то облачением.

– Приветствую Вас в нашем замке, сэр! Лорд Морган ввел дресс-код, сэр. У нас сегодня тематический вечер. И посему, они нижайше просят Вас облачиться в этот костюм.

Дворецкий выдавил из себя подобие улыбки и склонился перед Асраилом в поклоне. Асраил зло и недовольно улыбнулся, уже устав переодеваться сегодня. Он сначала хотел отпустить язвительную шутку и отказаться – ведь его внешний вид был вполне приличным, но сдержался, понимая, что упрямый Морган скорее не пустит его внутрь. Он небрежным жестом принял то, что ему протянули слегка дрожащими руками. Дворецкий провел его в комнату, где он смог переодеться, правда, не раз чертыхнувшись при этом – ему предлагали облачиться в одеяние то ли шотландца, то ли ирландца, правда весьма богатое и явно дворянское. Он опять переоделся, и кисло улыбаясь, смотрел на себя в напольное зеркало в массивной серебряной рамке, одергивая килт, который, как казалось ему, топорщился на нем колокольчиком. Он с тоской посмотрел на свой удобный костюм, который остался висеть на вешалке в шкафу, и стукнул кулаком по бетонной стене, оставив на ней хорошо различимую вмятину.

“Чертов Морган, теперь он лорд. Лучше бы он стал зулусом или масаем, и тогда бы я, не удержавшись, проткнул его копьем, чтобы прекратить его мучительные поиски своего стиля и способа продемонстрировать свой статус”,– подумал Асраил. Выйдя из комнаты с зеркалами и примерочными шкафами, он ступал по ковру, следуя за чинно и неспешно вышагивающим дворецким, который восторженно улыбнулся, увидев перемены в облике гостя. Он откровенно выводил из себя Асраила, но Неприкасаемый пока находил в себе силы сдерживаться. Они шли по широкому коридору, освещаемого свечами, коридору настоящего и очень богатого замка, как казалось Асраилу, и он, качая головой, не понимал, зачем Моргану вся эта показная роскошь. Да, Морган всегда был самым зажиточным из них, к его услугам были такие активы, что журнал Форбс перестала бы печатать истории обычных миллиардеров, которые на фоне Моргана оказались бы самыми настоящими нищими и неудачниками. И он всегда любил и ценил прогресс, умело извлекая из технических достижений человечества самые полезные для себя и своего Хранителя тренды и вещи. К его услугам была целый высокотехнологич-

ный заводик в Силиконовой долине, в который он инвестировал просто огромные средства, соорудив для себя несколько восстанавливающих капсул, хотя и одной хватило бы с лихвой – уж очень неохотно он тратил свои силы. За исключением тех случаев, когда он приумножал свои капиталы. Он был классическим аккумулятором и стяжателем, все менее редкого вида Неприкасаемых, которых так не любила Ангелла, и деятельность которых она предугадала, вернее ее вектор. В сторону отъема и получения энергии, а не отдачи ее миру и людям. Они становились акцепторами, презрев статус доноров. И Морган, отстроив, этот, например, дорогой замок, довольно редко в нем бывал. Ведь у него была еще целая серия подпольных роскошных резиденций по всему миру. Под скалой, на которой стоял замок, скрытый водой, был построен и ангар для его субмарины, на которой он периодически путешествовал, с комфортом устроившись в роскошном салоне и следя постоянно за датчиком своей энергии. Он спешил на встречу с очередными инвесторами и партнерами, которым обещал небывалый подъем и расширение влияния, при условии, что он войдет в состав учредителей их институтов и компаний. И отхватит свой немалый процент и долю. И появлялись новые горизонты, и прибыли, и рынки, и продукты, словно привлеченные везением и магнетизмом всесильного Моргана. Разорялись конкуренты, и случались неминуемые вспышки безработицы и целые районы становились депрессивными, ведь из них ушла жизнь и энергия, и деньги, будто увлекаемые в другое, более удачливое место. Росла преступность, и люди потеряв привычные источники заработка, отчаивались и обращали свои воздетые руки к небу. Множилась бедность и нищета, как и болезни, уносившие множество жизней, а довольный Морган уже спешил домой, к своему Хранителю. Который трясясь мелкой дрожью над его тушкой, накачивая тело своего хозяина щедрой порцией энергии, которая была потрачена на изменение направления денежных потоков в сторону новых интересов и партнеров Моргана.

Наконец, Асраил и его провожатый добрели до двойных деревянных дверей, с виду очень тяжелых, явно дубовых, и дворецкий, постучавшись, и дождавшись ответного бурчания из огромной комнаты, к которой они подошли, широко раскрыл двери и Асраил живо вошел внутрь, желая поскорее закончить эту затянувшуюся процедуру приема.

Он быстро подошел к Моргану, который сидел с каменным лицом у камина в широком и глубоком кресле и, опустившись в соседнее кресло, поспешил дать свой комментарий к его просьбе, которую он лично исполнил несколько раз. Наклоняясь к умирающим от рук Закарии убийцам, и пытаясь специальным прибором на своей руке, который украшал его палец в виде кольца, уловить хотя бы мизерные колебания энергии вокруг себя. Он также просто был счастлив проигнорировать всякие вежливые обращения и упоминание нелепого титула, которым Морган сам себя наградил. Он, смотря в маленькие и бегающие глазки своего собеседника, отмечая мысленно, что его нос приобрел уж совсем не аристократичные размеры и очертания, и мысленно щелкая по нему пальцем, произнес.

– Морган, в момент своей смерти, даже самые отъявленные негодяи и убийцы, выделяют ничтожно малое количество энергии. Боюсь, что их души, или что-то подобное, в момент, когда они покидают свои тела, не смогут являться для тебя новым источником энергии.

Глава 8.
Гадания по глобусу.

Ангелла подошла к глобусу, и смотрела на него бездумно, рассеянно размышляя о том, что привело Асраила в Прагу, и кого он привез с собой. Да еще бы узнать с какой целью. Ей все больше казалось, что тот мужчина был солдатом Легиона, уж такой уверенностью и ловкостью веяло от каждого его стремительного движения. Он выбежал не драться, а подавить всякое сопротивление и покарать виновных. Конечно, он мог быть обычным наемником со стороны, но, насколько она знала Асраил, его никогда не интересовало, говоря языком моды, готовое платье. Он мог бы взять уже имеющиеся шаблоны и лекала, и сделать на их основе

что-то свое, идущее вразрез со всеми мыслимыми и установившимися канонами и стандартами. И такую возможность, что солдат легиона мог быть таким своего рода сырьем для идей его братца, она совсем не исключала и всерьез ее рассматривала. Да и к тому же, Неприкасаемые не имели права иметь собственных бойцов. Даже на личную охрану косились, это было чистейшей воды показуха, ненужная и смешная. И всегда звучали слова о том, что деятельность Легиона направлена исключительно на благо людей. Только для их спасения. Эти слова повторялись на каждой их редкой встрече, и все согласно кивали головами, и только Асраил хмуро и как-то загадочно улыбался в такие моменты. Никаких личных войн, никаких вендетт, только операции для обеспечения безопасности человека. Похоже, и этот принцип трещал по швам. И Асраил был бы рад бросить этот вызов Семье, которую он, как и она, считал гнездом консерватизма и устаревшей морали, которую сами Неприкасаемые нарушили при каждом удобном случае.

Ангелла вспомнила слова Моргана, который все же иногда показывался на их собраниях, и сказал как-то, что у него нет, и никогда не будет личной охраны, сделав при этом очень важное лицо. Ну да, с его-то неприступными крепостями и пуленепробиваемым транспортом, очень ему это нужно. Да и сего затворничеством. Смешной и тщеславный, вечно молодящийся Морган, целью жизни которого являлось желание удивить и вызвать зависть. Своим могуществом. Своим богатством. Своим технологическим отрывом от остальных Неприкасаемых. Даже со своим внешним видом он экспериментировал какое-то время. Морган, желая, как он выразился, стать ближе к людям, хотел во время одного из циклов пройти путь обычного человека – чтобы его тело и облик менялись с течением времени – от ребенка, до старца. Но что-то пошло не так, и он застыл на этапе подростка лет двенадцати, долгое время скрываясь ото всех, но все же появившись на встрече, которая требовала его участия. Как же смеялась Гранж, сползая со стула на пол, и как еле удержалась от смеха она, Ангелла, видя пухлого мальчишку, который постоянно надувал щеки и хмурился, а потом важно вещал противным голосом Моргана, срываясь на визг, когда смех заполнял всю комнату. И как кто-то мог серьезно воспринимать их родственника после этого? И как с ним работают люди, которых он так нещадно обманывает и предает… Хотя Морган выбирает тех еще подонков в свои партнеры.

Тем временем, Мастер Вайда не сводил своего грустного взгляда со спящей Власты.

– Она хорошая девочка…, – обратился он к своей гостье, вздыхая.

– Я знаю…, – ответила Ангелла, слегка почесывая место соприкосновения дубинки Власты со своей височной костью. Видимых повреждений Неприкасаемая не получила, только выглядела слегка потрепанной, словно минимум неделю безвылазно просидела в одном из питейных заведений этого не самого респектабельного квартала.

Она нахмурилась, опять думая про Асраила, который, опять нарушал их негласные принципы. Впрочем, как и она сама, и она почти не винила его за это, но ей все больше казалось, что Асраил готовит что-то гадкое, и как всегда опасное для людей. И неужели, все-таки с участием Легиона? Но это бы означало открытую коррупцию в самом верхнем, управляющем звене их войска. Чья это рука – Моргана или Гуннара? Ладно, она еще поразмыслит над этим, пока же ей надо соблюсти приличия и поддерживать беседу – самому Вайде будет тяжело о чем-то ее просить, надо ему помочь начать эту беседу.

– Так значит, Власта в Легионе? Ты мне ничего про это не говорил, – она обратилась к Вайде, который казалось, задремал, сидя на стуле возле своей ненаглядной дочки. Он тут же открыл глаза и слегка извиняющимся голосом, поведал Ангелле, что ему пришлось поступить так, потому что Власта поставила ему ультиматум – либо она идет в телохранители, или в смешанные единоборства, либо папа ее устраивает в Легион. Про который он ей сам и рассказывал в детстве, как целую серию сказок на ночь. И делился историями про храбрых солдат Легиона и про их подвиги и примеры самопожертвования. Как про храбрых и благородных рыцарей, сражающимися со злыми и прожорливыми драконами и другими чудищами, которые

преследую род людской. Чем и вызвал интерес дочери к военной службе. И уже позже, превратившись в такую крупную и сильную девушку, она все чаще думала про Легион, но уже более практически. По причине того, что она нигде не могла устроиться в виду своего крутого нрава и габаритов, в чем виноват был ее драгоценный папа, ее чересчур заботливый папа, который ее так усиленно кормил в детстве и поил всякими снадобьями, чтобы она никогда не болела и "росла красивой и большой девочкой". В результате чего она и вымахала почти до двух метров и весила около ста двадцати килограмм.

– Ну и я обратился к Хранителю Гуннара, Синей Бороде, – сказал он тихо, смотря на спящую дочку с плохо скрываемой любовью. – Мы, конечно, с ним не родственники, но он принял меня как родного. Мы хорошо посидели, я поделился с ним своим наболевшим, и он обещал помочь. Ведь кто может достучаться до Неприкасаемых лучше, чем их ближайшие помощники – Хранители.

– А что вы хотите, ведь мы, Хранители, не какие-нибудь отшельники, нам надо общаться, разговаривать, чтобы между нами происходил культурный и технический обмен. А к тебе я не стал обращаться, потому что знал, что ты такую затею не одобришь…, – резюмировал слегка печально и с некоторым стыдом Вайда, которому было неудобно, что он утаил этот факт от Ангеллы. И помимо стыда, он чувствовал все большую тревогу за дочь. Не такой судьбы он хотел для нее. Ведь век легионера короток. А она, в конце концов, должна продолжить его дело. И сохранить их род и династию. Но видно уж не судьба. Да и чем ему могла помочь Ангелла, она ведь не распоряжается судьбами людей, у нее нет такой власти и возможностей. Но может быть, она сможет как-то повлиять на Власту и убедить ее заняться другим, более мирным делом? Но каким? Власта не проявляет интереса ни к чему другому. Наверное, он все-таки переусердствовал со своими микстурами роста и здоровья. И теперь сам расплачивается за свою чрезмерную любовь к дочке. Но он растил ее как умел, и кто скажет, что он был плохим отцом… Нет, скорее, слишком заботливым…

И он все-таки дожал Синюю Бороду, и таким образом, Власта попала в Легион, вернее в одно из его вспомогательных отделений, занимавшихся логистикой – доставкой боеприпасов, оборудования, амуниции, питания и прочего снаряжения и логистики, так необходимого солдатам Легиону. Гуннар помог, показывая свое безмерное уважение и признание по отношению к Ангелле, даже оказав эту услугу не лично ей, а ее Хранителю. Конечно, понимая, что Власте не место на передовой. Да и он не хотел брать такой грех на себя – посылать эту вспыльчивую, но в общем добрую и слегка бестолковую девушку на задание, с которого она бы не вернулась. И Власта, оказавшись вдалеке от папы и его строгого надзора, Власта приобрела не очень хорошие привычки, в частности, пристрастие к крепким напиткам, без которых она и так была достаточно неуравновешенной и горячей особой, которую мог успокоить только ее папа. И вот теперь, после двух лет службы, приобретя множество связей и знакомств в военной и близких к ней областям и сферам Легиона, она вернулась на побывку домой. Чем очень обрадовала Мастера, но и одновременно, огорчила своими экспериментами с крепкими напитками. И уже завоевав по всему их кварталу немалое уважение и авторитет, она выходила по вечерам и строила нарушителей дисциплины. Громко и грозно призывая их к ответу и требуя, чтобы "тыловые крысы", как она выражалась в их адрес, ставили ей угощение в виде пары кружек пива. Хотя и без этого, все местные очень уважали Вайду, считая его то ли колдуном, то ли каким-то криминальным авторитетом на пенсии, чему способствовал строгий взгляд Мастера и его сила, которую он иногда демонстрировал, если кто-то уж очень настойчиво нарушал покой и тишину квартала. А теперь в квартале появилась еще и грозная дочка Вайды, благо что она опять скоро уедет, как слабо надеялись местные жители, устав от ее измывательств и неслабые аппетиты.

– М-да, а я ее помню еще маленькой девочкой, а теперь маленькая Власта в Легионе. Летит же время, – довольно банально отреагировала Ангелла, не найдя других слов, и косилась на игрушки Власты, неподъемные и даже прекрасные в своей простоте и архаичности виды

оружия. “Хорошо, что она гуляла по кварталу с дубинкой, а не с этим железом”, – подумала Неприкасаемая.

Мысль о том, что она вот-вот схлестнется с дочерью Вайды пришла к ней во время перепалки с Властой, но она поверить не могла, что наследница ее Хранителя может вести себя подобным образом. И что она теперь в Легионе. Это тоже был прецедент, обычно Хранители передавали свое искусство по наследству. Если династия Вайды прервется, это будет очень печально. Она надеялась, что он передаст свое искусство следующим поколениям… Хотя какой из Власты Хранитель – она понимала, что это даже к лучшему – что она узнала об этом так своевременно, и у нее есть время, чтобы найти себе нового Мастера.

Она зевнула, и произнесла негромко.

– Если Асраил в городе и, вероятно, со своим собственным бойцом…

– Им понадобится оружие, – проворчала негромко Власта, потягиваясь и просыпаясь от своего легкого забытья. Она встала и быстро подошла к Ангелле, и поклонившись ей, хотела сначала поцеловать ей руку, взяв ее ладошку в свои большие ладони, но потом опомнилась и неловко улыбнулась, покраснев. Ее папа смотрел на нее с улыбкой, лишь встревожился на мгновение, когда ее большая рука, потянулась, было к хрупкой Ангелле. На самом деле переживая за Власту, а не свою почти железную и неукротимую Неприкасаемую. В то же время, такую хрупкую, в чем он не раз убеждался лично.

– Простите меня, Ангелла, была пьяна, не признала, готова понести любое наказание… – произнесла Власта низким, но приятным голосом, и Ангелла быстро поднялась со стула, улыбаясь, и махнула рукой, словно показывая, что она уже и не помнит ничего. Власта с чувством выполненного долга вернулась на свое место и теперь усиленно, во все глаза, и с почти детским восхищением смотрела на их гостью. Поверить только, Неприкасаемая так близко, и она у них дома… И так внимательно, с таким уважением смотрит на ее папу… Она росла в постоянной близости к этой странной реальностью, которая была для нее настоящей сказкой, и Ангелла в этой сказке была Принцессой, а ее папа Волшебником, который помогает своей сказочной госпоже выглядеть так ослепительно… И жить так долго, что даже сказочные “и жили они долго и счастливо” казались ей лишь кратким мгновением.

– Ну ладно, девочки, я вас оставлю на минуту. Принесу для нашей гостьи укрепляющего напитка. Я вижу, ты слегка устала, – сказал он, обращаясь к Ангелле и ушел, убедившись, что все находящиеся в комнате пребывают в адекватном состоянии.

Ангелла проводила его слегка рассеянным взглядом и повернулась к Власте, которая продолжала смотреть на нее влюбленными глазами.

– Власта, соберись. Мне нужно знать, кто из Легиона может быть сейчас в Праге. Ты ведь знаешь всех бойцов? – она все еще думала про того стремительного незнакомца, спутника Асраила.

Власта кивнула головой, почувствовав под нажимом Ангеллы небывалую ясность мысли и трезвость памяти, и заговорила уверенным голосом.

– Знаю, если это действующий боец. Все сейчас находятся на сборах, очень далеко отсюда. Кажется, в Африке, или где-то у побережья Сомали. Там, кажется, пираты захватили опять какое-то судно.

Ангелла задумалась, Власта сказала – “действующий боец”. А ведь она не подумала про отставников, если такие имелись. Хотя, как она прекрасно знала, по собственному опыту, бывших легионеров не бывает. Обычно, бывшие бойцы находили свое последнее пристанище на военном кладбище, похороненные по традициям Легиона, с салютом и другими торжественными и красивыми ритуалами. С гимном и присутствием одного из представителей высшего командования. А иногда и кто-то из них провожал лично в последний путь легионеров. Оставив близких тех, кто храбро пал в бою с приличными компенсациями. Да и слово “бывший” не

использовалось. Они, пожертвовавшие своей жизнью, навсегда оставались в составе Легиона, и их фотографии вечно украшали одну из стен в здании центрального офиса Легиона.

– А ты знаешь отставников? – спросила она без особой надежды, но внимательно смотря на свою собеседницу, облегчая ее мыслительный процесс, который был еще затуманен парами алкоголя. Но уж очень был мал этот шанс, что служащая в логистическом департаменте дочь ее Хранителя, не принимавшая участия в боевых операциях, по сути, боец тыла, располагала этой информацией. Которая могла быть и засекреченной.

– Одного. Я знаю одного, – сказала Власта веско и на удивление связно. – Я подружилась с одним из ветеранов Легиона, но еще действующим бойцом. Настоящей легендой. С Толстым Джоном, британцем, который знает всех бойцов и постоянно травит байки про свои подвиги. И про подвиги своих боевых братьев, как он их называет –Brothers in Arms.

Ангелла придвинула свой стул поближе к Власте и села перед ней, понимая, что может услышать очень важную информацию. Правда, приукрашенную определенной, вполне законной мифологией, существующей вокруг Легиона.

– И Толстый Джон мне рассказывал про одного бойца, после…

В этот момент в комнату вернулся Вайда, и навострил слух, словно заподозрив, что его дочь рассказывает про свои подвиги со спиртным.

– После, – Власта показала жестом, будто она подносит бутылку ко рту и пьет, – посматривая одним глазом за отцом, который отвернулся, усаживаясь на свой стул.

Он принес поднос на колесиках, на котором стояла бутылочка с маленьким, пузатым стаканом и, подмешав в бутылочку цветного порошка, который он высыпал из мешочка, похожего на кисет, он легонько подтолкнул поднос в направлении Ангеллы. Он остановился прямо перед ней, и она, повернувшись, налила себе полный стакан, и махнула его разом, поморщившись, словно после принятой на грудь крепкой и теплой водки. Власта, сопровождая ее действия внимательным и участливым взглядом, тоже поморщилась, и, вздохнув, продолжила свой рассказ.

– И значит, после этого дела, он мне рассказал про своего друга, которого выгнали из Легиона. Его звали Зак. Он был из Канады. Или из Казахстана. В общем, откуда-то оттуда.

Ангелла чувствуя прилив сил после выпитого зелья Хранителя, вернулась в свое привычное бодрое состояние, и вскочив на свои стройные и красивые ножки, подошла к глобусу, который был выше ее, и, поворачивая его своими ладошками вокруг оси, быстро нашла на нем упомянутые страны.

– Как это, откуда-то оттуда? Канада – вот тут, а Казахстан – вот где, – она показала расстояние между ними, вытянув свои руку в полную длину, и то, их длины не хватило.

Власта пожала плечами, давая понять, что география никогда не была ее любимым предметом в школе, а Вайда, который, казалось, задремал, проговорил тихим и мудрым голосом, слегка приоткрывая свои глаза.

– Девочки, послушайте меня, старого Вайду. Что-то мне говорит, что дело тут пахнет иммиграцией. Либо он жил сначала в Канаде, а потом переехал в Казахстан, либо наоборот. Я бы лично в Канаде жить не смог, там мои кости постоянно бы ныли от холода. Только представлю себе такую картину, сразу стынет и душа, и все тело..Хотя кто их разберет, этих легионеров, некоторые из них могут спать прямо на снегу…

Ангелла покачала головой, мысль ее Хранителя показалась ей стоящей, хотя это никак не приближало к ней образ воина Асраила.

– А что еще сказал этот Толстый Джон?

– Алга. Так и сказал – алга. После того бойца, Зака, когда наши идут в прорыв, они кричат – Алгааа!!!

Хранитель вздрогнул от крика своей дочки, и приоткрыл глаза, а Ангелла посмотрела на нее очень внимательным взглядом.

– А что это значит?

– Что-то типа – вперед. Онтак кричал, когда шел выручать Джона и его ребят. И теперь, в память о Заке, наши так и кричат. Это же лучше, чем кричать – Гоуууу!!! – Власта опять разбудила Вайду, который смотрел на нее почти укоризненно. Ангелла задумалась – алга – это точно не из английского или французского. Значит, Казахстан? Она опять обратилась к Власте, слегка тормоша ее своей энергией. Читать ее мысли она не решалась, это было бы невежливо в присутствии Вайды.

– Почему в память? Он, что, умер?

– Официально говорили, что он погиб, но Джон мне сказал, что он чует одним местом, что его друг еще жив. А это его место никогда не ошибается. Как-то он предсказал, пообщавшись с этим местом, что получит ранение в руку, а заложника ранят в ногу, и все так и вышло…

Ангела покачала головой, след, казалось, обрывался. Нельзя же верить и полагаться на задницу Толстого Джона, пытаясь найти этого самого Зака, который и в самом деле, мог погибнуть в одной из операций Легиона. Тут ее посетила одна мысль.

– А фото Зака ты видела? Ну там, на первом этаже, в холле… Где Зал Славы Легиона.

Власта покачала головой.

– Нет, это и удивило меня.

Ангелла нахмурилась. Она вышагивала вдоль стены, заложив руки за спину. В Легионе, как она узнала сейчас, творились весьма странные дела. И тут Власта добила ее, выдав почти ангельским голосом.

– И еще, этого Зака пару раз навещал Асраил.

Ангелла остановилась, и лихорадочно соображала, а Вайда задремавший было, мгновенно открыл свои глаза и тревожно смотрел на свою дочь.

– Но ведь Джон не мог знать, что перед ним Асраил. И ты ведь пришла в Легион после Зака, как это возможно? Ты ведь не видела Асраила рядом с этим Заком…

– Конечно, Толстый Джон не посвящен в эти тайны, в отличие от меня. Он просто описал мне этого человека. И я сразу поняла, что это был Неприкасаемый. Он ведь приходил как-то к нам домой, давно, я еще была малой. И я его видела. И навсегда запомнила. Какой-то он мерзкий… Но папа его очень вежливо, но твердо и быстро выставил за дверь… И только потом слег, проболев пару дней.

Да, Ангелла была в курсе этого происшествия. Асраил искал ее, и зачем-то пришел к ее Хранителю, что строго запрещалось их Кодексом. Ему потом даже выписали чувствительный штраф, и он долго извинялся перед хмурой Ангеллой, которая отвесила ему за эту вольность чувствительную оплеуху. Даже парочку оплеух. Что тоже запрещалось Кодексом. Так что, как всегда, они были равны в своих нарушениях негласного Кодекса Неприкасаемых. Разрешены были отношения только одного уровня: Неприкасаемых с Неприкасаемыми, Хранителей с Хранителями. И даже с Легионом обычно контактировал один выбранный – то она, очень давно, то Гуннар, теперь. И только с разрешения большинства, иногда прибегая к помощи отдельных Неприкасаемых, если Легиону требовалась помощь советом или финансами. Но Асраил все равно заслужил это наказание. За то, что напугал Вайду и его дочь. И за то, что пытался что-то вынюхать про нее саму. Хранители – это священно, навестить его без разрешения Неприкасаемого, его хозяина, было все равно, что попытаться вскрыть еще живого человека. Чтобы узнать, почему его сердце такое храброе.

Ангелла подошла к Власте и почти приказала ей, уперев в нее свой потяжелевший взгляд.

– Дальше.

– Ну, Асраил приходил к Заку несколько раз. Как сказал Джон, он даже встретил Зака, и отвез куда-то, после того, как они возвратились с той операции, где Зак и спас Джона и его бойцов, с кучей гражданских. А Зак отсидел в тюрьме почти полгода. За неподчинение приказу, что привело к гибели одного заложника. А потом Джон, когда был в ночном карауле,

случайно увидел Асраила и своего сослуживца. Джон принял его за адвоката Зака. А потом распространили информацию, что Зак скончался. То ли от последствия ранений, то ли от газа, то ли от подхваченной в джунглях лихорадки. Или песках. Или чумы. Вот же блин, какие на хрен дела…

Вайда закатил глаза и посмотрел выразительно на Ангеллу, поверх очков, качая головой из стороны в сторону и словно говоря – и как же мне выдавать это сокровище замуж… и главное – за кого?

Ангелла показала Вайде жестом, что не прочь еще выпить укрепляющего средства, и Хранитель, кивнув головой, пошел за своим, набирающим популярность напитком. Он быстро вернулся, Ангелла подкрепилась и обратилась к Власте, которая дулась на папу, который оставил ее без напитков.

– А теперь рассказывай подробно про ту операцию. Мне важно понять, почему Асраил выбрал этого Зака, и почему Легион решил избавиться от него. И даже посадил за решётку.

Глава 9.
Святая с родинкой.

Целью той операции было спасение семерых заложников, которых удерживали члены одной повстанческо-освободительной бригады, как они себя сами называли, пытаясь примазаться к более благородному делу. А на самом деле являлись обычной бандитской группировкой, не сделавшей ни единого выстрела для блага своей родины и своего народа. Они были ублюдками, образцовыми и типичными до тошноты и ужаса головорезами. Любящими виски и кровь, оставляя на каждой своей покинутой стоянке растерзанные тела своих жертв. Циниками, промышляющими торговлей оружием, наркотиков и на закуску, для полного комплекта, киднеппингом. Они похищали людей, как правило, участников благотворительных миссий или дипломатических работников. Иногда бизнесменов или сотрудников строительных, или транспортных компаний. Они убивали одного из своих пленников и подбрасывали части его тела перед зданием этих служб, организаций, ведомств и посольств, в записках прямым текстом говоря, что остальных захваченных ими в плен людей ожидает та же участь. И спасти их может только определенная сумма, которую они ожидают в течение двух суток, каждые двенадцать часов убивая по одному человеку.

Их лидер, некто величающий себя Властелином По, был в ярости, потому что его люди захватили пленников, не очень престижных и богатых, по его мнению, компаний и стран. Он уже снес голову одному из своих подчиненных, инициатору набега, пальнув из своего блестящего и тяжелого револьвера, быстро вытащив его из кобуры. Удерживая свой Смит-Вессон на уровне пояса. Он стоял, слегка покачиваясь, под убийственными лучами солнца и сплевывая частицы песка, который разносил вокруг сильный ветер. Находясь посреди центральной площади этого города, который, казалось, был проклят многократно, и находиться здесь отваживались только такие отморозки, как По и его люди. Да, он слегка забылся в наркотическом дурмане, потому что новая дурь была такой забористой, а его кретины, накачавшиеся накануне только дешевым виски, проснулись раньше его и совершили свой рейд на один из городских кафе, и, убив несколько охранников, притащили этих испытывающих ужас людей сюда. В этот маленький и заброшенный городок посреди пустыни, окруженный со всех сторон настоящей крепостной стеной. И убив еще троих по дороге. Чтобы ускорить ход и облегчить нагрузку на свои пикапы, которые, казалось, уже увязли в песках.

Что означало еще большее снижение планируемой прибыли. И меньшее количество дурмана и выпивки, которые им так нужны. Он оглядел своих людей выпуклыми стеклянными глазами, выстроив их перед собой – тридцать молодых парней с автоматами, и орал на них, называя их жалкими и кончеными алкашами, бесполезным мусором, тактично, как опытный политик, не упоминая свои собственные слабости. Он разошелся, и как настоящий оратор,

предвещал им скорую смерть, если они не одумаются и не станут беспрекословно подчиняться его приказам. А он же, почти ангел, который возится с дьяволами во плоти, теряя последнее терпение, и только потому, что надеется из них воспитать настоящих людей. Бойцов. Хотя бы некоторых из них. Он был старше их, и выше, со сверкающей лысиной и железными мускулами, с длинным мачете, в ножной кобуре, выносливый и резкий, и, казалось, не придумали еще такой виски, или такой наркотик, который мог бы его согнуть или ослабить. Физически. Но умственно, или вернее, морально, он уже давно не был человеком, в нем, по его обезображенному наркотиками нутру, по его выпирающими наружу венам уже давно бродили токсины и яды, уничтожая все человеческое в нем, его память, его способность сопереживать и сочувствовать. И когда он ударил себя ножом по руке, чтобы явить им свое доказательство настоящего лидера и мученика, который тратит свое время на их обучение и воспитание, то вместо крови с его руки закапало на песок что-то бурое и отвратительно пахнущее.

Его бойцы содрогнулись, кому-то стало плохо, и он пинал самых слабых из них, пытаясь поднять обратно на ноги. Он бегал вокруг них громко, и истерично крича, разбрасывая вокруг капли этой субстанции, бывшей когда-то алой кровью. С обнаженным оружием, которое, в отличие от его сморщенного органа, уже давно вялого и непрезентабельного, оставалось стальным и твердым, и он размахивал им, как своим мужским началом. И его солдаты тоже начинали бегать кругами, входя в поток этой энергии, и он целился своим револьвером в разных направлениях, будто призывая ветра всех четырех сторон света, или какие-то другие высшие силы, стать свидетелями своей решимости и мужества.

А заложники, пройдя уже через что-то очень страшное, прижавшись, друг к другу, забыв от страха даже о молитве – последнему прибежищу всех, даже атеистов, не могли оторвать взгляд от своих будущих палачей, которые на время отвлеклись от своих жертв. И лишь одна девушка, с родинкой во лбу, без страха смотрела на этих беснующихся вооруженных людей и неслышно шевелила губами, молясь про себя, время от времени поднимая взгляд своих карих глаз в сторону гор, находившихся невдалеке, чувствуя, или просто надеясь на приближение помощи с этого направления.

В это время, высадившись из двух вертолетов, которые оставили их у подножия круто уходящей вверх горной ряды, шли по песку солдаты Легиона, облаченные в камуфляж соответствующей расцветки, настроенные умереть, но спасти тех, кого захватил По и его люди, понимая, что время играет против них. В руках у одного из семерых бойцов, приземистого и широкоплечего, с мощной мускулатурой солдата, был прибор, напоминающий навигатор. Он отслеживал и указывал местоположение одной из заложниц, которая к счастью, была еще жива, и прятала на своем теле маячок. Пока живая и смотрящая в их сторону, в отличие от ее двух коллег, которых уже нашли бойцы и в чьи мертвые глаза уже заглянули с содроганием. Бандиты прострелили им головы и вытолкнули из машин, и легионеры останавливались у их тел, мрачно глядя на эти зловещие указатели, которые вели их к логову этих озверевших подонков.

– Мы идем по следу из трупов. И их шин. Конченые дебилы, – зло проговорил солдат с навигатором, убедившись, что направление стрелки совпадает с едва видимыми следами шин. Ветер и зыбучие пески делали свое дело, почти уничтожив отпечатки шин, и тел тоже больше не наблюдалось. Они насчитали уже два. Он постучал своим коротким пальцем по навигатору, блеснула золотая печатка на его пальце, и он смахнул частицы песка с экрана.

– Легион, алга, – произнес негромко один из солдат, взмахов руки показывая на разрушенные здания впереди них, в уходящей вниз долине, образовывая какое-то древнее городище, с довольно высокой стеной по периметру. И с высокими башенками, которые пока не развалились под воздействием времени и ветра, сопротивляясь им из последних сил. Боец минут пять наблюдал за тем, что происходит внутри, через свой бинокль, пытаясь понять, что он видит перед собой, и намечая для себя план действий. И как он убедился, там внутри, был кто-то, высокий, бегающий и завывающий как шаман, что он понял по его голове, обращенной к небе-

сам и широко раскрытому рту. А также воздетым вверх рукам. И этот кто-то, наверняка, лидер этой жестокой секты, был вооружен чем-то блестящим. Сильно похожим на огромный револьвер. Вооружены были и его люди – десятка три парней, которые почему-то странно бегали кругами, словно совершая какой-то жуткий ритуал. Группу заложников он тоже высмотрел, они казались ему живыми, но смертельно испуганными своим соседством с бесноватыми бандитами. Он также нашел в окуляре бинокля несколько часовых, которые лениво прохаживались по городской стене, почти все время таращась на то, что происходило на площади, а не сканируя пространство за внешней стеной. "Это им минус.", – думал солдат.

Да, эта высадка солдат здесь, в песках, была операцией Легиона, который на этот раз на удивление живо среагировал на захват заложников. Словно пытаясь оправдаться за прежнюю затянувшуюся и не удавшуюся миссию, в другом месте и даже на другом континенте. Сюда они прибыли своевременно, и к счастью, у одной из заложниц был GPS датчик, который бандиты не заметили. И Легион среагировал на мольбы родственников, понимая, что больше никто не откликнется. Ибо военных действий в этом регионе не проводилось, а другие частные охранные агентства охраняли сотрудников компаний в их офисах и укрепленных городках. Им разрешили провести эту спасательную операцию, поставив условие, согласно которому, они не могли вмешиваться в этнические, религиозные или любые другие конфликты, которые вспыхивали, время от времени в этих неспокойных местах.

– Дебилы, я же говорю, – повторил Толстый Джон, а это был именно он, демонстрируя показания устройства Заку, который подошел к нему, оторвавшись от своего бинокля. Они с Джоном уже дослужились до третьего ранга – у Легиона были свои звания и порядки, и только опыт, тактика, уровень вооружения и амуниции с войсками специального назначения у них были одного порядка. Но Зак продвигался вверх по карьерной лестнице быстрее Джона, и вообще, очень свежо и по-своему, взирал на устав и привычный порядок действий Легиона. Внося в его работу оживление, благодаря своей динамике и решительности. Остальные бойцы были рангом пониже, и они обычно разделялись на две группы – у Джона, правда было три бойца, а у Зака два, отдавая дань опыту англичанина и его авторитету среди товарищей по оружию.

– Ну, что, Джон, дожидаемся указаний Центра? – спросил Зак, оглядываясь вокруг и понимая, что ожидание и бездействие в такой ситуации означало верную потерю всех захваченных в плен. Уж очень неадекватными выглядели бойцы этого По, даже скорее маниакально настроенными. А это означало, что, поддавшись своим инстинктам или просто жажде крови, они могут наплевать на обычные правила игры и поддавшись импульсу, уничтожат самым страшным образом тех бедных людей. Пока живых. Но, на долго ли?

Англичанин, подумав, согласился, но Зак решил не идти традиционным путем. И они рискнули напасть без промедления, не дожидаясь, пока пребывающие в явном трансе бандиты придут в себя. Зак посмотрел на снайпера, и тот понял значение этого взгляда, и быстро занял позицию, аккуратно сняв всех часовых на стене.

– Идущие на смерть…, – проговорил тихо Зак и дал отмашку своим бойцам, которые легкой рысью последовали за ним, удерживая в поле зрения стену, где могли показаться новые бойцы противника.

Джон, тихо матерясь как любой приличный кокни, пригнувшись под тяжестью оружия, приближался по прямой со своими бойцами к стоянке этой непонятной и кровавой секты, а Зак со своими людьми двигался в обход. Все надеялись на традиционную везучесть Зака и его нестандартные решения, которые часто приводили к успеху. Но все понимали, что они на войне, и сохраняли максимальную концентрацию и осторожность, чтобы не прозевать любую мелочь, которая может погубить в итоге как их, так и заложников.

Они приблизились на расстояние удара, и вошли в город с двух сторон, подняв предварительно на стену, опоясывающую город своего снайпера, француза арабского происхождения

– Марселя. Они шли вперед, выставив готовые к бою короткие штурмовые винтовки, внимательно и осторожно огибая улочки, прячась за домиками и во всевозможных нишах и углублениях. Выглядывая из них, убеждаясь, что впереди все чисто, они продолжали свой путь, пока не наткнулись на сплошную высокую стену, с колючей проволокой наверху. Они, оглядевшись, юркнули в широкую дверь, разрезав висевший на ней навесной замок, инструментом, которым был вооружен Такахаси, боец Зака. Они вдвоем входили в очень длинный и мрачный дом, понимая, что это единственный путь к заложникам.

Как казалось им, они приближались к площади с двух сторон, двумя ударными группами, постепенно окружая бандитов с флангов. А Марсель, поднявшись на самую высокую башенку, уже нашел прицелом свой винтовки По и ждал сигнала по рации, чтобы снять его. У Зака оставался один человек, и вся огневая мощь Легиона теперь зависела от Джона, вооруженного ручным пулеметом, и трех его парней, тоже с очень мощным вооружением. Зак предпочитал легкую винтовку, понимая, что с тяжелым пулеметом просто легче устать, и так и не дойти до расстояния верного выстрела.

Они углублялись все глубже в это здание, которое выгибалось и шло полукругом, поворачивая в сторону площади. Они тихо комментировали свои действия по рации, а Марсель все повторял – "принято", и советовал передвигаться осторожно, но очень быстро, потому что шаман на площади и его люди, перестав бегать кругами, отходили к дальней стене, и шансы Легиона возрастали. Окна тут были уже заколочены, и они шли, находя дорогу с помощью множества свеч, которые горели, плавясь и освещали внутреннее пространство, которое становилось все более ужасающим. Они находили тела людей, с отрубленными конечностями, выпотрошенными, без голов и их короткие волосы шевелились от ужаса на их головах, и животы сводило судорогой страха от того, что они видели и ощущали. Как показалось Заку, они проходили через все круги ада, где на разных уровнях палач с больным воображением казнил людей, новым, отличающимся способом, чтобы не повторяться. Боец Зака, японец Такахаси, которого все звали Китано, потому что он был похож на одноименного актера, казалось молился, уже довольно громко и прижимался к Заку, который сам понимал, что близок к помешательству. По той простой причине, что трупы, как он отчетливо видел своими глазами, начинали шевелиться и отрубленные конечности тянули к ним свои пальцы, и что-то темное, в виде очертаний двух или трех человек, приближалось к ним.

Зак привалившись спиной к стене, и направив на эту гадость свою винтовку произносил, тихо, про себя – "Псымылдарахманрахим", как делал его ата, когда сталкивался с чем-то непостижимым. Как говорил Атабек, заметив как-то, что внук боится темноты – "Балам, просто вспоминай меня, когда я не рядом, и все плохое уйдет". Зак так ясно, что даже удивился, представил деда на его лошади, несущегося во весь опор к нему, что все шевеления прекратились, а призраки исчезли, и они с Китано переглянувшись, поняли, что постарели и пережили, наверняка, самые страшные мгновения в своей жизни. Зак не знал кому и как молился его брат японец, но и его мантры сработали и, как оказалось, позднее, нервы у азиатов оказались крепче, потому что Джон и его бойцы, попавшие в такой же переплет, проходя по такому же спиралевидному и жуткому дому, начали хаотично стрелять, начиняя стены и мертвые тела вокруг себя свинцом.

Марсель вызывал их, громко ругаясь и сообщал, что шаман и его люди, оставив пять парней с заложниками, побежали всей толпой в ту сторону того дома, где началась стрельба – из этого дома должен был вскоре появиться отряд Толстого Джона, и они, собравшись с духом побежали вперед. С трудом веря в свое счастье, они понимали, что следующая секция этого дома с привидениями будет последней, и они будут просто вне себя от радости, наконец, увидеть своих обычных, земных врагов. Выходя из дома с направленными в сторону стоящих возле заложников бандитов винтовками, они с помощью Марселя быстро их сняли, хотя Зак и чувствовал, что его руки еще трясутся. Как только он произнес в рацию, что заложники у них,

подключился Командный Центр и приказал им покинуть место боестолкновения, повторяя, что главное в миссии – спасение людей. Зак понимая, что он нарушает все уставы и правила Легиона, отправил Китанос заложниками к выходу из города, а сам двинулся к тому дому, где уже слышалась отчаянная стрельба, и Джон по рации кратко сообщал, что они под шквальным огнем, и у них потери. Японец яростными воплями поднял людей с песка, приказав всем спасенным закрыть глаза и держаться за впереди идущего. А сам, зайдясь в крике, и пытаясь не смотреть по сторонам, встал во главе этой колонны. И все спасенные самым быстрым ходом скрылись в проеме двери этой кровавой галереи, куда он, чувствуя себя камикадзе, жертвующим собой ради других, возвращался, направляя всю группу к выходу из этого проклятого города.

Проводив храброго Китано и возглавляемую им змейку взглядом, и убедившись, что за ними никто не побежал – площадь была зачищена, он, жалея, что не может кричать, как его друг, тихо, но твердо проскользнул в дверь. Никто не знает, что случилось там внутри, но, когда Джон уже отстрелял весь боекомплект, и, будучи раненным в плечо и руку, под свистом пуль, пытался сообразить – что лучше, застрелиться из своей Беретты, где у него оставался единственный патрон или подорвать себя гранатой. Захватив на тот свет парочку этих отморозков. Но он неожиданно осознал и почувствовал, что все звуки стихли. И только Зак негромко повторял, подходя к нему – алга, алга… Неся в руке, нанизанную на мачете голову Властелина По, которую он снес с его шеи с вздувшимися венами и жилами одним ударом. Словно представив себя былинным казахским воином, батыром, одним из которых он мечтал стать в детстве. Батыры, оживавшие в историях, которые ему неторопливо рассказывал его ата, наполняя особым, сакральным смыслом ту степь, раскинувшуюся вокруг их аула. Ту самую степь, по которой теперь так буднично проезжали грузовики и машины, или шли куда-то редкие путники. Но он уже давно не верил в сказки, с тех пор, как не вернулся его ата из своего последнего путешествия, и оставил своего взахлеб плачущего внука у своей могилы. И сам он стал кем-то другим, яростным и страшным, перерубив с шеей По и все связи с собой прежним.

Никто не знает, как и с какой жестокостью Зак убил всех, почти всех бандитов – на счету Джона и двух его погибших бойцов было человек пять убитыми, только пять, как он подтвердил, не охотно, но подтвердил. Их застали врасплох, почти обезумевших, и сразу ранили всех четверых, и они могли только отстреливаться, пытаясь укрыться за телами покойников, все еще не в состоянии прийти в себя. И никто не знает, как долго рубил Зак железное тело этого безумного По, который устроил тут собственное, индивидуальное чистилище, отправляя таким страшным образом на тот свет тех заложников, за которых он не дождался выкупа. РубилПо его собственным мачете, с которым он накинулся на Зака, и которое он ловко выхватил из его тисков, а не пальцев. А По, все не мог понять, как этот боец с такими же безумными глазами, как у него, положил в одиночку весь его отряд. И когда Зак зашел им с тыла, его внутренние демоны уже не дремали, они рвались из него, громко крича и требуя своей дани – отмщения и страшной жатвы, которую он собрал, и уже весь в крови, чужой крови, медленно поднимал Джона и другого раненого бойца с пола. Он пнул голову По, которая отлетая от них, вертелась, словно голова куклы, вырванная из своего туловища, дополнив коллекцию отрубленных конечностей из этого кровавого музея с протухшими экспонатами.

Зак шел со спасенными им бойцами, шатаясь, к выходу, потом опять к входу, и опять к выходу. Когда его вывел из транса Марсель, крича, что один из заложников погиб. Та самая девушка, на теле которой был маячок. Красивая девушка с родинкой на лбу. Решившая идти последней, пропуская вперед всех и прикрывая их собой. Умерла от выстрела в спину, который произвел один из парней этого шамана, которого он на площади, в самом начале своего ритуала послал в нокаут ударом своей ноги. И тот очнулся в разгар битвы, и побежал в сторону уходящей змейки, возглавляемой Китано. Убил бы больше, но Марсель, уже встречая Китано и заложников, забежал в этот дом, или как показалось ему, кровавый туннель, и прикрывая

заложников, и молясь и клацая зубами, уже расстреливал уцелевшего бандита из своей винтовки, не целясь в оптический прицел, но уверенно посылая в его грудь пулю за пулей.

Они с Марселем вернулись за телами павших товарищей, несмотря на то, что их рвало и они испытывали страшную слабость, и были бледные, как сама смерть. Они, уже валясь с ног и изнемогая от напряжения и смертельной усталости, установили взрывчатку везде, где только могли. И потом, дойдя до дальнего конца одного из этих страшных домов, Зак смеялся глухим, потусторонним смехом, когда нашел пару пустых банок, с черепом и костями. Он понял, что они все, весь их отряд находился под воздействием боевого отравляющего вещества, который подействовал на них таким жутким образом – заставив их видеть тех жутких призраков, которые, казалось, собирались разорвать их на части. Чертов шаман установил химические ловушки, защищаясь от прихода непрошенных гостей…

Они уже приближались одной большой группой к внешней стене города, перенеся туда трупы двух товарищей и одного заложника, когда Зак нажал кнопку дистанционного взрывателя и эти два рукотворных Аида взлетели на воздух, разорванные и разнесенные в клочья и осколки мощным зарядом, и как показалось ему, силой его гнева. И впереди уже маячили в воздухе их транспортные вертолеты с одним боевым, в качестве сопровождения. А во все другие отряды Легиона уже шла информация о том, что отряд Джона побывал в аду, но Зак вернул их обратно.

А после было разбирательство и взятие его под арест. И уже бывший легионер отсидел в одиночке почти полгода за самоуправство и не подчинение приказу Центра, но для своих, он все равно был героем, который сразился с демоном и выжил. И не бросил своих товарищей на верную смерть. И не его вина, что погибли люди Джона и тот заложник, как говорили в Легионе те, кто сам участвовал хоть раз в подобных операциях и понимал, какую мясорубку прошел их отряд. Понимая, что война всегда возьмет свою дань в виде случайных или закономерных потерь. А Зак, вернувшись за своими, и убив всех врагов, установив новый, пускай негласный, но стандарт. Но Зак не думал ни о каких стандартах или прочей ерунде. Он пытался осознать, что произошло с ним там, и пока не понимал, почему его охватил такой гнев. И ярость. Ведь с теми врагами, он убил что-то и в себе, как он сам понимал, лежа на койке и уставившись пустыми глазами в потолок камеры. Он лишь надеялся, что он был отравлен газом, и поэтому дал своим демонам одержать над собой верх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.